

МОЛДАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи
CZU: 821.09 (043.3)

КУШНИР ЖОЗЕФИНА

**ГУМАНИЗАЦИЯ МИФА
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА:
ВЫЯВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ФЕНОМЕНА**

622.02 – LITERATURA UNIVERSALĂ ȘI COMPARATĂ

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора хабилитат филологии

КИШИНЭУ, 2019

Работа выполнена в Центре этнологии, Институт Культурного наследия

Научный консультант:

ПРУС Елена, доктор хабилитат филологии, профессор университет, специальность 622.02 – Literatura universală și comparată

Официальные оппоненты:

ЧИМПОЙ Михай, академик, доктор хабилитат филологии, профессор университет, Институт филологии

ПАВЛИЧЕНКО Сержиу, доктор хабилитат филологии, профессор университет, Молдавский Государственный Университет

БУРЛАКУ Александру, доктор хабилитат филологии, профессор университет, Институт филологии

Состав Специализированного Ученого Совета:

ЧОКОЙ Татьяна, председатель, доктор хабилитат филологии, конференциар университет

ТАРАБУРКА Емилия, ученый секретарь, доктор филологии, конференциар университет

ЦУРКАНУ Андрей, доктор хабилитат филологии, конференциар черчетэтор

ПЛЭМЭДЯЛЭ Ана-Мария, доктор хабилитат искусствоведения, конференциар университет

ДОДУ-САВКА Каролина, доктор филологии, конференциар университет

Защита состоится 26.02.2019 в 12.00 на заседании Специализированного Ученого Совета ДН 622.02-II при Молдавском Государственном Университете, ул. М. Когэлничану, № 65, блок 3, ауд. 201, Кишинэу, MD-2009.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в Библиотеке Государственного Университета Молдовы (ул. Ал. Матеевича, № 60, Кишинэу, MD-2009) и на сайте С.Н.А.А. (www.cnaa.md).

Автореферат разослан «____» января 2019 г.

Ученый секретарь Специализированного Ученого Совета

ТАРАБУРКА Емилия, доктор филологии _____

Научный консультант

ПРУС Елена, доктор хабилитат филологии, профессор университет _____

Автор

КУШНИР Жозефина, доктор филологии _____

(© Cușnir Jozefina, 2019)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Соотнесенность литературного текста, мифа и мифологического сознания занимает значимое место среди объектов научных исследований XX-XXI века, порожденных, как отмечают Ю. Лотман и З. Минц, «общей “неомифологической” устремленностью культуры XX века» [36, р. 51]. По М. Элиаде, миф есть «базовый элемент каждой цивилизации» [8, р. 130]. Одно из знаковых проявлений этой тенденции – открытие (1942) Томасом Манном литературного феномена гуманизации мифа, которое выявляло для человечества мощный этический потенциал мифа, отнимая его у фашистской идеологии как опору [37, v. 9, р. 178]. Затем феномен рассматривался в многочисленных научных разработках, но они сводились лишь к анализу какого-либо литературного текста. Между тем актуальность именно системного осмысления гуманизации мифа подтверждается особым вниманием, которое современные исследователи уделяют новым смыслам, возникающим при литературных обработках мифологем. По П. Албуи, лишь наличие таких новых смыслов есть существенный критерий того, что уже возник литературный миф [2, р. 12]. Зачастую их выявляют именно в интеллектуальной прозе; этот термин, возникший в XX веке, используется весьма широко, причем не только в научных разработках, но и в массовой культуре, например, в практике интернетовских сайтов. Тема данной диссертации, обуславливая необходимость глубинных интерпретаций мифов (в самых различных их модификациях, наиболее древних в том числе) и выдающихся литературных произведений, представляет немалый интерес для дальнейшей разработки герменевтического метода. Актуальность исследования, выявляющего гуманизацию мифа в интеллектуальной прозе XX века как устойчивую тенденцию, подтверждается также интересом научного сообщества к концептам «этика» «дегуманизация искусства», «постгуманизм», «трансгуманизм» и ряду других.

Описание ситуации в области исследования и идентификация исследуемых проблем. Термины «гуманизация мифа» и «интеллектуальный роман» были введены Т. Манном в первой половине XX века. Литературный феномен гуманизации мифа выявлен Т. Манном в тетралогии «Иосиф и его братья» и в вашингтонском докладе об этом романе (1942), а термин «интеллектуальный роман» предложен в эссе «Об учении Шпенглера» (1924). Оба термина устойчиво вошли в научный оборот, но их эволюция оказалась весьма парадоксальной ([50], [61, р. 168-173]). Концепт «гуманизация мифа» развивался и осваивался в трудах многочисленных исследователей (К. Йегер, К. Хатчинс, А. Винкльхофер, С. Апт, П. Бекманн и др.), ощущавших его глубину, но не пытавшихся

осуществить системный анализ феномена. Открытым оставался даже вопрос, устойчиво ли он существует: представляет ли собою некую тенденцию или же особенность, свойственную лишь одному или нескольким литературным произведениям одного или нескольких авторов. Соответственно не ставилась и задача осмыслить феномен как единообразно идентифицируемый. Подобные разработки, однако, демонстрируя его наличие в конкретных произведениях интеллектуальной прозы, являются одной из важных ступеней к системному рассмотрению гуманизации мифа. Мы причисляем к предпосылкам нашего диссертационного исследования и те разработки зарубежных и отечественных авторов, где используется термин «интеллектуальная проза» (см., напр.: Ж. Уайт [26, р. 156], Р. Спирс [25, р. 165], А. Гаврилов [12, р. 29], С. Павличенко [20, р. 61], А. Силвестри [24, р. 57]).

Область исследования представлена двумя разновидностями научных изысканий: теми, где гуманизация мифа анализируется непосредственно, и теми, объект которых с ней коррелирует. Один из важнейших указанных объектов – соотнесенность литературного текста, мифа и мифологического сознания. Разноаспектному осмыслению этой тематики посвящены разработки целого ряда выдающихся исследователей (среди них Дж. Дж. Фрэзер, Р. Барт, Ж. Дюмезиль, Ж. Дюранд, Р. Кайуа, Дж. Кэмпбелл и многие из упомянутых далее). Особо отметим вклад мифологической критики, которая представлена такими именами, как Р. Грейвс, Ф. Фергюссон, М. Бодкин, Р. Чейз, Н. Фрай, П. Албуи и другие, причем рассматривает «жанры и конкретные сюжетные паттерны во многих литературных произведениях <...> как повторения базовых мифологических формул» [1, р. 171].

К числу важнейших в аспекте исследуемой проблематики научных достижений XX-XXI веков относятся: а) «центральный тезис» [11, р. 8] Нортропа Фрая о том, что мифологическими структурами формируются не только мифы, сказки, легенды и родственные им жанры, но и художественная литература, которая эти структуры наследует, передает и преобразует, а также ряд других идей, принадлежащих представителям мифологической школы; б) тезис многих исследователей, что мифологическое сознание задевается очень широко и эффективно (в том числе при созидании и восприятии литературных текстов [33]), который сформулирован Куртом Хюбнером так: «<...> именно в нашем экзистенциальном опыте мы неизменно думаем мифически: в нашем отношении к рождению и смерти, в любви, в отношении к природе, в восприятии искусства и религии» [41]; с) дихотомия «*тотем-жизнь-Рай/не-тотем-смерть-преисподняя*» как одна из базовых структур архаического мифологического сознания, выявленная Ольгой Фрейденберг; д) разнообразные описания базовых

мифологических структур, осуществленные мифологами, литературоведами, психологами, исследователями фольклора, философами культуры, этнографами, археологами (в их числе К. Г. Юнг, К. Кереньи, В. Пропп, М. Бахтин, Л. Фробениус, С. Рейнах), а также описания подобных структур, которые представлены в указателях мифологических и сказочных сюжетов и мотивов; е) представления мифологов и этнологов о гармонизации Универсума как одной из базовых функций архаического мифологического сознания и о ряде других его свойств, например, метонимичности (разработки Э. Кассирера, Кл. Леви-Стросса, Е. Мелетинского и других; интерпретации многих ритуалов); f) идеи, разрабатываемые «аксиологической семантикой» Т. Кшешовского (Люблинская школа этнолингвистики), о том, «что аксиологический параметр, или оппозиция *добрый/злой* имеет первостепенное значение и уже встроен в предпонятийные схемы воображения» [27, р. 52]; g) мнение М. Элиаде и других исследователей о том, что феномен жертвоприношений возник лишь «в древних земледельческих цивилизациях» [9, р. 53]; h) понятие *Achsenzeit*, или «осевое время» Карла Ясперса [16]; i) представления психологов-философов (В. Франкла, Э. Фромма) и философов (Н. Бердяева, Х. Ортеги-и-Гассета, К. Ясперса) о том, что индивидуальное начало единственно этике и позитивной (созидательной) свободе, что ему имманентно присущи устремленность к истине, предназначенность к гармонизации Универсума etc.; j) постулат Альберта Швейцера об этике как «благоговении перед жизнью», согласно которому «основной этический принцип» таков: «добро есть сохранение, помощь и поддержание жизни, а уничтожать жизнь, вредить или препятствовать ей есть зло» [23, р. 262]; k) интерпретативный подход К. Гирца как «разбор смысловых структур», устремленный к сути, или использующий «насыщенное описание» [13, р. 3-32], а также ряд других его разработок.

Проблематика работы может быть охарактеризована как компаративистское выявление гуманизации мифа в интеллектуальной прозе XX века в качестве целостного и единообразно идентифицируемого литературного феномена. Исследуемый корпус текстов представлен двадцатью произведениями интеллектуальной прозы XX века, избранной по признаку максимальной репрезентативности для достижения основной цели исследования и представленной такими значимыми именами, как Т. Манн (1875 – 1955), Р. Акутагава (1892 – 1927), Ю. Алешковский (р. 1929), А. Битов (р. 1937), Х. Л. Борхес (1899 – 1986), Р. Вальзер (1878 – 1956), Г. Гессе (1877 – 1962), Ф. Дюрренматт (1921 – 1986), А. Камю (1913 – 1960), Ф. Кафка (1883 – 1924), В. Набоков (1899 – 1977), Т. Пратчетт (1948 – 2015), М. Себастьян (1907 – 1945), Г. Стайн (1874 – 1946), Ю. Д. Хармс (1905 – 1942), К. Чапек (1890 – 1938), Г. К. Честертон (1874 – 1936).

Цель и задачи работы. Цель исследования – выявить существование гуманизации мифа как целостного и единообразно идентифицируемого литературного феномена в интеллектуальной прозе XX века, развив открытие Т. Манна на основе системного компаративистского исследования ряда репрезентативных произведений. К достижению указанной цели ведет решение следующих задач: продемонстрировать формирование данного литературного феномена посредством динамических констант гуманизации мифа (дихотомии *тотем/не-тотем*, мифа о смехе, мифа об отмене *не-тотема*-смерти); обнаружить инвариантность гуманизации мифа к идентичности/неидентичности хронотопов литературного текста и базовой мифологемы; показать инвариантность феномена к линейному/нелинейному соответствию композиций интеллектуальной прозы и базовой мифологемы; идентифицировать инвариантность гуманизации мифа к традиционной/новаторской трактовке базовых мифологем в интеллектуальной прозе; применить к гуманизации мифа «центральный тезис» Нортропа Фрая; анализировать инвариантность гуманизации мифа к вариациям интерференции базовых мифологем литературного текста.

Методология научного исследования. Работа, широко используя сравнительно-исторический, структурно-семиотический, герменевтический и традиционный дескриптивный подходы, опирается на разнообразные современные достижения филологической и – по мере необходимости – общегуманитарной мысли. Упомянем интерпретативный подход Клиффорда Гирца, «центральный тезис» Нортропа Фрая и другие достижения мифологической критики, дихотомию *тотем/не-тотем* Ольги Фрейденберг, идеи М. Бахтина, В. Проппа, Э. Кассирера, К. Кереньи, К. Г. Юнга, М. Элиаде, К. Леви-Стросса, А. Швейцера, Э. Фромма, В. Франкла, Н. Бердяева, Х. Ортеги-и-Гассета, К. Ясперса, К. Хьюбнера и других.

В общем методологическом плане для данной работы были чрезвычайно полезны труды современных исследователей из Республики Молдова и Румынии: Е. Абрудан, С. Анжелеску, Л. Блага, К. Брага, А. Бурлаку, А. Гаврилова, Н. Гаврилуцэ, А. Грати, Л. Иванова, Р. Клейман, Д. Миля, К. Нойка, Х. Корбу, С. Павличенку, А.-М. Плэмэдялэ, И. Плэмэдялэ, А. Поручука, Е. Прус, Д. Пэкурариу, Р. Сурдулеску, М. Чимпоя, Т. Чоккой, К. Чопрага, Э. Чоран, А. Цуркану и других. Отметим также, что сходная тематика прорабатывалась в диссертациях, защищенных в РМ, и в ряде монографий отечественных исследователей (И. Аленина, М. Р. Алексе, А. Бантош, Т. Голбан, К. Гроссу-Кирияк, О. Гырля, К. Доду-Савка, Е. Кречковски, В. Кучереску, Е. Опря, Д. Роман, Е. Тарабурка, В. Фонарь, М. Хыршан, И. Шиховой и др.), и результаты учтены в настоящей работе.

В качестве особого инструментария используются разнообразные компоненты разработанной нами концепции гуманизации мифа.

Научная новизна и оригинальность. Впервые литературный феномен гуманизации мифа стал предметом системного научного исследования, базирующегося на ряде репрезентативных произведений интеллектуальной прозы XX века; продемонстрированы формирование феномена посредством динамических констант гуманизации мифа и его инвариантность к вариациям ряда факторов; применительно к данному феномену развит «центральный тезис» Н. Фрая о том, что мифология наследуется, передается и преобразуется посредством литературы, причем структуры мифа продолжают формировать литературные структуры; продемонстрировано, что исследуемый литературный феномен существует устойчиво, представляя собой не особенность нескольких текстов немногих авторов, а тенденцию; показана эффективность применения целого ряда компонентов концепции гуманизации мифа в качестве литературоведческого инструментария (в их числе дихотомия *тотем/не-тотем*, миф о смехе, миф об отмене *не-тотема*-смерти, схема эволюции мифологического сознания в аспекте гуманизации мифа).

Принципиально новые научные результаты. Литературный феномен гуманизации мифа системно выявлен и исследован в интеллектуальной прозе как целостный и единообразно идентифицируемый, благодаря чему сформирована соответствующая интерпретационная модель. Гуманизация мифа определяется как этизирующая гармонизация Универсума посредством особых мифологических структур. В интеллектуальной прозе идентифицированы особый тип базовых мифологем (новые модификации древних мифологем, созданные нарратором при формировании гуманизации мифа и обусловленные именно базовыми закономерностями мифологического сознания) и особый их подвид (утраченные мифологемы, частично воссозданные литературным текстом). Существование гуманизации мифа продемонстрировано в случаях как явной, так и неявной базовых мифологем. Проиллюстрирована транспонируемость гуманизации мифа при переводе литературного произведения, соответствующая транспонируемости мифа (по К. Леви-Строссу). Констатируется, что гуманизация мифа в интеллектуальной прозе способствует гармонизирующей разработке ряда концептов («Дон Хуан» у К. Чапека, «Иов» у Ф. Кафки, «ибсеновская Нора» у Р. Вальзера). В этом контексте решена важная научная проблема: устранен пробел в области такой значимой проблематики, как соотнесенность «миф – литература».

Теоретическое значение. Осуществлен системный подход к феномену гуманизации мифа, являющийся мультидисциплинарной моделью для подобных

исследований. Сформулирована научная дефиниция литературного феномена гуманизации мифа, обладающая следующей совокупностью качеств: полнота; внутренняя непротиворечивость; соответствие идеям Томаса Манна. Разработан способ единообразной идентификации феномена в литературном произведении (в соответствии с указанной дефиницией). Предложена классификация базовых мифологем в интеллектуальной прозе: их подразделение на четыре группы по признаку соотношенности с гуманизацией мифа и на два вида по признаку явно-го или неявного наличия в интеллектуальной прозе.

Прикладное значение работы. Материалы диссертации могут быть использованы при чтении лекционных курсов по мировой и сравнительной литературе, по теории литературы, при разработке спецкурсов для гуманитарных факультетов, при создании методик и учебных пособий. И результаты, и опыт данного исследования, в том числе предлагаемая интерпретационная модель, могут эффективно использоваться целым рядом научных дисциплин (среди них: теория литературы, сравнительное литературоведение, нарратология, компаративная мифология, фольклористика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, прагматика, этнолингвофольклористика, культурная антропология, психология, философия культуры, теория коммуникации). Эти результаты могут, в частности, способствовать решению такой задачи, поставленной ЮНЕСКО в 2010 году, как разностороннее осмысление концепта «новый гуманизм в XXI веке» [32]; могут применяться в ходе разработок, связанных с понятиями «этика», «постгуманизм», «трансгуманизм» [10] и т.д.

Основные научные результаты, вынесенные на защиту:

1. Продемонстрировано формирование литературного феномена гуманизации мифа в интеллектуальной прозе посредством каждой из трех динамических констант гуманизации мифа (дихотомии *тотем/не-тотем*, мифа о смехе, мифа об отмене *не-тотема-смерти*).

2. Обнаружена инвариантность исследуемого литературного феномена к вариациям соотношенности хронотопов интеллектуальной прозы и базовой мифологемы, охватывающая все теоретически ожидаемые случаи (хронотоп интеллектуальной прозы: идентичен хронотопу ее явной базовой мифологемы; отличен от хронотопа ее явной базовой мифологемы; отличен от хронотопа ее неявной базовой мифологемы).

3. Показана инвариантность данного феномена к вариациям соотношенности композиций интеллектуальной прозы и базовой мифологемы, а именно феномен наблюдается: а) при линейном (в том числе усложненном) соответствии композиций интеллектуальной прозы и базовой мифологемы; б) при нелинейном соответствии указанных композиций.

4. Идентифицирована инвариантность гуманизации мифа к вариациям трактовок базовых мифологем: а) традиционная трактовка явной базовой мифологемы; б) новаторская трактовка явной базовой мифологемы; с) новаторская трактовка неявной базовой мифологемы.

5. Развита «центральный тезис» Н. Фрая применительно к литературному феномену гуманизации мифа в интеллектуальной прозе XX века и выявлен особый тип базовых мифологем, обозначенный нами «базовые мифологемы, потенциал которых реализован в рамках интеллектуальной прозы». К данному типу принадлежат те из модификаций древних мифологем, которые обладают тремя признаками: а) возникновение данной модификации обусловлено любой из базовых закономерностей мифологического сознания; б) рассматриваемая модификация в рамках фольклорного сознания реализована не была; с) указанная модификация оказалась сформирована – явно или неявно, осознанно или неосознанно – мифологическим сознанием автора или ряда авторов XX века в качестве базовой мифологемы интеллектуальной прозы.

6. Проанализирована инвариантность феномена к предельным вариациям интерференции базовых мифологем, когда: а) одна из интерферирующих базовых мифологем интеллектуальной прозы сама формирует гуманизацию мифа; б) одна из них активно противостоит гуманизации мифа; с) налицо автоинтерференция одной из базовых мифологем (интерферируют древняя и поздняя ее модификации).

7. Продемонстрировано на материале ряда конкретных текстов, что наличие литературного феномена гуманизации мифа есть не исключение, а тенденция в интеллектуальной прозе XX века.

Внедрение научных результатов. Разработан одноименный спецкурс для гуманитарных факультетов. Автор применял компоненты концепции в своих фольклористских и этнологических исследованиях, а также выявлял перспективы ее применения в рамках других гуманитарных научных дисциплин (см.: [43], [44] и др.). Материалы диссертации используются в плановой работе автора (ИКН) и в разработках, осуществляемых Студией „Studioul de Creație «ZAO»”. Результаты исследования были частично представлены автором в рамках спецсеминара, организованного Студией (2015).

Апробация научных результатов осуществлена: а) в 38 научных публикациях (общий объем 38,35 с.а.), в их числе – 1 монография (20,36 с.а.) и 26 статей (17,34 с.а.); б) в докладах на 21 научных конференциях (17 международных и 3 с международным участием), среди которых: LUMEN Conference (2015), индексированная ISI; «XXIII Лотмановские чтения» (2015); конференции таких университетов, как «Spiru Haret» (2016), Ясский «Al. I. Cuza» (2015) и Бухарестский (2015; 2016).

Публикации по теме диссертации: 38 научных работ (общий объем 38,35 с.а.), в том числе: 1 монография (20,36 с.а.); 3 статьи общим объемом 2,47 с.а. в зарубежных научных журналах (Румыния); 10 статей общим объемом 6,32 с.а. в национальных научных журналах категорий В+ (4 статьи), В (4 статьи) и С (2 статьи); 13 статей общим объемом 8,55 с.а. в 13 сборниках.

Объем и структура диссертации. Работа (259 страниц основного текста) включает в себя аннотации на румынском, русском и английском языках; список сокращений; введение; шесть глав, подразделенных на параграфы (первая глава содержит анализ ситуации в исследуемой области); общие выводы и рекомендации, 5 приложений, библиографию из 467 наименований, декларацию об ответственности и CV автора.

Ключевые слова: гуманизация мифа, интеллектуальная проза, базовая мифологема, интерференция базовых мифологем, хронотоп, дихотомия *тотем/не-тотем*, миф о смехе, миф об отмене *не-тотема*-смерти, смеховой катарсис, метонимия.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Глава 1. Гуманизация мифа в интеллектуальной прозе: к постановке проблемы разносторонне анализирует ситуацию в области диссертационного исследования, в том числе осмысливаются выявление концепта «гуманизация мифа» (ГМ) Томасом Манном и дальнейшая эволюция концепта; концепт рассматривается в соотнесенности с целым рядом научных разработок XX века (таковы литературоведческие исследования соотнесенности «миф/литература»; «интерпретативный подход» Клиффорда Гирца как основа для целостного осмысления ГМ; парадоксальные свойства мифологического сознания; открытия в области базовых мифологических структур, позволяющие выявить схему эволюции мифологического сознания в аспекте гуманизации мифа; концепты «индивидуальное начало» и «новый гуманизм в XXI веке» и т.д.); перечисляются компоненты концепции гуманизации мифа, используемые далее как исследовательский инструментарий; рассматриваются парадоксы эволюции термина «интеллектуальная проза» (ИП) и т.д.

Поясним некоторые из аспектов указанной проблематики.

Концепция гуманизации мифа, нами разработанная, представляет собой опыт системного исследования одноименного феномена и базируется на обширном комплексе достижений выдающихся ученых (см.: [69, р. 5-60], [60, р. 56-59]). Гуманизация мифа рассматривается нами как феномен этизирующей гармонизации Универсума (картины мира) мифологическим сознанием. Формирующие ее древнейшие мифологические структуры высокого уровня обобщения, или «константы гуманизации мифа», таковы: дихотомия *тотем/не-тотем*, миф о смехе, миф об отмене *не-тотема*-смерти.

Понятие *тотем-жизнь/не-тотем-смерть*, выявленное и заявленное Ольгой Фрейденберг именно как новое понятие (омоним общепринятого) [40, р. 24], в рамках указанной концепции нами актуализировано и экстраполировано с учетом *Achsenzeit* Карла Ясперса и других достижений философской мысли XX века, связанных с концептом «индивидуальное начало», а именно: *тотем* есть все, единосущностное индивидуальному началу и/или отождествляемое им с жизнью (жизнь, любовь, этика, интеллектуальные и чувственные радости, вселенская гармония, свобода, творчество, смысл и т. д.); *не-тотем* есть все, противосущностное индивидуальному началу и/или отождествляемое им со смертью (смерть, предательство, пытки, вечная разлука с любимыми, ощущение богооставленности, разрушение, ненависть, убийство, физические и нравственные муки и т. д.); см.: [69, р. 23, 46-48], [54, р. 50-51]. К числу компонентов концепции, широко используемых в диссертации, относятся не только указанные константы, но и краткая схема эволюции древнейшего мифологического сознания в аспекте гуманизации мифа ([46], [69, р. 22-31]), а также описание трех древних мифологем, которые были созданы мифологическим сознанием в ходе осмысления *не-тотема-смерти* для ее отмены, когда ее локус уже представлялся особым «Универсумом» (после этапов мифа о смехе и мифа о благом змее). К числу этих архаических мифологем относятся: мифологема о катабазисе; мифологема о внеэтичном запрете, который должен быть нарушен; мифологема об апокатастазисе. Понимание внутренней логики указанной эволюции и соответствующих мифологических структур способствует как выявлению, так и осмыслению базовых мифологем в ИП, где они присутствуют зачастую неявно.

Дефиниция соответствующего литературного феномена, используемая в данной работе, и способ его единообразной идентификации сформулированы следующим образом. Гуманизация мифа как литературный феномен есть этизирующая гармонизация Универсума (картины мира), формируемая в литературном тексте посредством мифологических структур, которые присутствуют там явно или неявно. Чтобы единообразно идентифицировать феномен гуманизации мифа в литературном произведении, следует выявить умножение *тотема* и/или отмену *не-тотема* в формируемой текстом картине мира.

Указанная дефиниция литературного феномена ГМ обладает необходимой и достаточной совокупностью качеств. Таковы: полнота; внутренняя непротиворечивость; выявление иллюзорности тех противоречий, которые, как может показаться, присутствуют в высказываниях Т. Манна о данном феномене. Интеллектуальной прозой мы называем, базируясь на общераспространенном понимании термина и с учетом предлагаемых современной литературоведческой мыслью его дефиниций, такую авторскую фикциональную прозу XX века, где одним из основополагающих художественных средств являются элементы не-

линейной интеллектуальной игры. А термином «базовая мифологема литературного произведения» мы обозначим, руководствуясь «центральным тезисом» Н. Фрая и идеями К. Г. Юнга, такую мифологему, с которой оно связано сущностно (тематически, сюжетно etc.), восходя к ней как к одному из архетипов. Мы придерживаемся предложенной Дж. Холлисом дефиниции, согласно которой мифологема отличается от мифа тем, что представляет собой его фрагмент, но фрагмент существенный, или, по Холлису, «фундаментальный».

При наличии дефиниции литературного феномена ГМ, способа его единообразной идентификации, а также соответствующего инструментария возникает и возможность эмпирической проверки ряда гипотез, связанных с формированием гуманизации мифа в ИП XX века. К числу таких гипотез относятся следующие: об инвариантности гуманизации мифа по отношению к вариациям соотношенности литературного текста и базовой мифологемы (к идентичности/неидентичности хронотопов интеллектуальной прозы и базовой мифологемы; к линейному/нелинейному соответствию их композиций; к традиционной/новаторской трактовке базовой мифологемы литературным текстом; к особым случаям интерференции базовых мифологем); о возможности формирования ГМ в ИП посредством динамических констант ГМ; об устойчивости существования литературного феномена ГМ в ИП XX века; об эффективности применения «центрального тезиса» Н. Фрая к феномену ГМ в ИП в ходе ее компаративистского анализа. Данное исследование прямо или косвенно включает проверку этих выявленных нами гипотез в число своих задач.

Показано также, что концепт «гуманизация мифа» может содействовать эффективному осмыслению концепта «новый гуманизм в XXI веке», что представляет собой одну из составляющих задачи, в 2010 г. поставленной ЮНЕСКО перед мировым сообществом.

Глава 2. Инвариантность гуманизации мифа к идентичности/ неидентичности хронотопов литературного текста и базовой мифологемы выявляет данный литературный феномен в трех произведениях ИП XX века, а именно в тетралогии Томаса Манна «Иосиф и его братья» (1943), в повести Ф. Дюрренматта «Грек ищет гречанку» (1955) и в новелле Гертруды Стайн «Тихая Лена» (1909).

В первом параграфе, *Рассматриваемый феномен при хронотопе интеллектуальной прозы, идентичном хронотопу базовой мифологемы (Т. Манн)*, представлен наиболее простой и ожидаемый случай (ГМ при явной базовой мифологеме, причем хронотопы ИП и БМ совпадают), воплощенный в манновской тетралогии. Но Томас Манн, склонный к литературно-интеллектуальной игре, несколько усложнил, с нашей точки зрения, этот весьма прозрачный случай: неявно превратил тетралогию в часть особого диптиха, вторая часть которого есть

авторский вашингтонский доклад о романе – образец манновской «интеллектуальной эссеистики», равнозначной литературному тексту [53]. Мы полагаем, Т. Манн не просто выявил и терминологически обозначил этот особый жанр, но в данном случае сам его воплотил: тетралогия и доклад объединены в диптих, во-первых, спецификой гуманизации мифа, а во-вторых, посредством протагониста-нарратора («мы» в романе; «я» в докладе).

Как показано в данном параграфе, именно конкретным содержанием гуманизации мифа (ее спецификой), а не одним лишь ее наличием и обусловлен общеизвестный факт, что в тетралогии, по словам самого Т. Манна, миф был выбит из рук фашизма, и если потомки найдут в романе нечто значительное, то это будет именно гуманизация мифа.

Суть указанной специфики такова: Т. Манн контекстуально, литературными средствами формирует сообщение об этичности первомифа (а значит, о том, что этичность имманентна мифологическому сознанию и соответственно человеческой сущности), – сообщение, которое адресовано напрямую мифологическому сознанию читателя. Иными словами: нацизм внушал ноосфере идею об исходной антиэтичности мифа; Манн сообщал – причем именно «коллективному бессознательному» (автором вербализованы не научные рассуждения об этике или о возможности выявить первомиф, а то, что нарратор именуется «побасенками», или «множеством историй») – об имманентной мифу этичности. Как нами показано, эти «побасенки»-«истории» контекстуально формируют четкое представление: первомиф существует; он этичен; он спасителен (как объект доверия и эталон); он повествует о благодетельном трикстере, причем представляет собой мифологическую структуру.

Эту мифологему, которую Т. Манн выявил и воплотил, тонко продемонстрировав глубинную ее равнозначность библейской мифологеме об Иосифе, мы условно назвали «мифом о Гермесе». Суть мифологемы такова: трикстер, обладающий признаками младшего божества, совершает в форме плутовства – и не без помощи божества старшего – вселенски значимое благодеяние. «Миф о Гермесе», таким образом, состоит из четырех основных составляющих: протагонист – благодетельный трикстер; его действие – благодеяние, вселенски значимое, причем осуществленное в форме плутовства; протагонисту помогает в этом старшее божество; протагонист обладает признаками божества младшего.

Манновский «миф о Гермесе» формирует картину мира, где постулированы: сакральность индивидуального начала; призванность индивидуального начала к трикстерству как веселой благодетельной созидательности (гармонизации Универсума), масштабы которой безграничны; помощь индивидуальному началу, пусть неявную, со стороны универсального начала; благую действенность смеха.

Кроме постулата о существовании «мифа о Гермесе» как этического и спасительного первомифа, манновская информация, транслируемая автором мифологическому сознанию, содержит еще два сообщения: антиэтический миф губителен и, строго говоря, мифом вообще не является (контекстуальные обозначения в диптихе для антиэтических искажений мифа таковы: ложь, обозначаемая как «вздор»; «запугивание» и/или «глупость», в том числе «глупость перед Богом»); критерий истинности мифа – его спасительности как объекта экзистенциального доверия и как эталона поведения – это этичность мифа.

Нами, кроме того, продемонстрировано: манновский нарратор (он в рамках «мифа о Гермесе» типологически равнозначен Гермесу), трикстерски «подражая» поступкам Зевса-Гете в «Фаусте», осуществляет теодицею и антроподицею в истории об Аврааме.

А значит, манновское повествование об Иосифе и его братьях (пример ИП, где гуманизация мифа осуществляется при совпадении хронотопов литературного текста и его БМ) – не только шедевр характеров и сюжета, но, как отмечает Т. Джефферс, еще и творческий подвиг в области этических идей.

Второй параграф, *Гуманизация мифа при хронотопе литературного текста, отличном от хронотопа явной базовой мифологемы (Ф. Дюрренматт)*, рассматривает – на примере повести «Грек ищет гречанку» – несколько менее очевидный, но тоже прогнозируемый случай исследуемой инвариантности. А именно: хронотоп интеллектуальной прозы отличен от хронотопов ее базовых мифологем, но на них даны прямые (вербальные) указания нарратора.

Так, базовые мифологемы дюрренматтовской повести – древнегреческие предания об Аресе и Афродите, о Дафнисе и Хлое – подчеркнуты вербально. Например, формируя смеховые отсылки к идиллии Лонга «Дафнис и Хлоя», Дюрренматт не ограничивается тем, что дает героине имя «Хлоя» и заявляет ее гречанкой. Нарратор, сверх того, сообщает: при первой своей встрече Архилохос и Хлоя усаживаются на скамейку рядом с замшелой скульптурой, изображающую Дафниса и Хлою. Аллюзия является смеховой: ведь Хлоя буколического романа Лонга невероятно невинна, а Хлоя дюрренматтовской повести – куртизанка, обладающая профессиональными качествами в столь невероятно высокой степени, что они уже практически равнозначны любви. Последнее закономерно; ведь дюрренматтовская Хлоя равнозначна и Афродите, что тоже подтверждается вербально, причем по-смеховому. Так, абстракционист Пассап изобразил Хлою обнаженной (лишь два эллипса и одна парабола, написанные синим кобальтом и охрой), назвав свою картину: «Венера, 11 июля». А когда, парадоксально распознав в этой Венере свою невесту, Архилохос пришел требовать объяснений, Пассап тут же заставил позировать обнаженным и его, дабы абстрактно написать Ареса, причем именно в пару к Венере.

Гуманизация мифа, как показано в данном параграфе, формируется Ф. Дюрренматтом посредством неявной и очень глубокой разработки концепта «смеховая идиллия». Курт Воннегут, отмечая, что Дюрренматт в своей повести блистательно атакует нечто, досадливо вопрошал, чем это нечто является. Ответ, мы полагаем, существует и во многом определяется подзаголовком «комедия в прозе», которым Ф. Дюрренматт демонстративно обозначил свой текст. Автор тем самым предупреждает: текст смеховой; все кончится хорошо, несмотря на любые перипетии. Нами выявлено, что суть этого предупреждения такова: автор намерен сразиться со вселенской дисгармонией и гармонизировать Универсум, именно созидая смеховую идиллию, которая парадоксально постулирует по-смеховому неодолимую устойчивость гармонии (как состояние Универсума).

Особой заслугой Дюрренматта мы полагаем контекстуальное гармонизирующее уточнение концепта «человек» как части концепта «смеховая идиллия». Ведь веками – во времена всего несмехового своего периода, следовавшего за смеховым античным, – идиллия разрабатывалась как концепт, где Универсум и человек отмечены тяжелой примитивностью; а это наносило немалый экзистенциальный вред.

Часть истины о мире, приоткрываемой Дюрренматтом, – это смеховая богоравность человека как элемент концепта «смеховая идиллия», или сакральность индивидуального начала в рамках указанного концепта. Выявляя феномен смеховой богоравности, автор пользуется разнообразными аллюзиями, в том числе на понятие «маленький человек» (Архилохос так себя и называет) и на произведения Ф. Достоевского.

Архилохос и Хлоя, мелкий чиновник и проститутка (типажи «униженных и оскорбленных»), суть не что иное, как античные боги, но в непросветленном состоянии. Сущность Архилохоса – это Арес, непросветленная мужественность, а Хлоя – непросветленная женственность Афродиты; обоим предстоит просветляющее осознание своей сути.

Формирование идиллического Универсума путем пародирования текстов Ф. Достоевского вообще весьма характерно для дюрренматтовской повести; причем главный мотив «Преступления и наказания» пародируется двояко. Во-первых, Достоевский, оправдывающий убийцу (Раскольников), является, видимо, прототипом одного из персонажей дюрренматтовской повести – мэтра Дютура, адвоката, ревностно защищавшего убийцу-садиста: «Это плоть изнасиловала его дух, душа осталась неоскверненной» (подробнее см.: [59, р. 216-217]). Во-вторых, спародирован мотив искушения убийством. Искушение «подсказано» и Раскольникову, и Архилохосу извне, другими людьми; в обоих случаях протагонист намерен убить невинного лишь потому, что Универсум трак-

туется героем как «злой» и допустивший его унижение. Так, Архилохос, желая отомстить миру за ложь Хлои, соглашается на предложение алчущего власти революционера Фаркса: убить старика-президента, дабы помочь свергнуть строй, который «сделал из вас дурака».

Поскольку, однако, Дюрренматт формирует подлинную идиллию, никакого убийства не происходит. Решимости убить Архилохосу хватает с избытком: героически проникая в президентский дворец, протагонист являет рвение, достойное туповатого и отважного Ареса. Но Универсум – в лице президента – относится к Архилохосу с веселой и деятельной добротой, хотя его намерения едва ли остались тайной для смехового мудреца. Шлафрок и любезность президента – реминисценция, связанная с образами манновского Гете и гофманского архивариуса Линдгорста, с архетипом доброго и лукавого мудреца-волшебника. В соответствии со смеховой гетевской максимой о том, что нечистая сила, всегда желая зла, творит лишь благо, даже подлый Фаркс послужил во благо. Ведь Фаркс, застав Архилохоса буквально в петле, помешал самоубийству своим убийственным предложением, а оно привело лишь к спасительному разговору с мудрецом.

Итак, в повести «Грек ищет гречанку» Дюрренматт воплощает гуманизацию мифа, фактически разрабатывая концепт «смеховая идиллия». Он трактует смеховую идиллию как неявное, но устойчивое и естественное состояние Универсума, а человека – как существо, в потенциале по-смеховому богоравное, предназначенное созидать гармонию. Этому препятствуют как ложные, стереотипные представления о добре, так и вера в зло. (До своего просветления Архилохос, смеховой герой, успел отдать дань им обоим, хотя в силу закономерностей смеховой идиллии все кончилось хорошо). Универсум по-смеховому помогает человеку избавиться от этих иллюзий.

Третий параграф, *Гуманизация мифа при хронотопе интеллектуальной прозы, отличном от хронотопа неявной базовой мифологемы (Г. Стайн)*, исследует инвариантность феномена ГМ на примере новеллы «Тихая Лена», причем в ходе анализа обоснованы следующие утверждения.

Неявная БМ текста – предание о Деметре-Персефоне, “Богине Матери-Земле” [15, р. 139] – структурно воспроизводится автором вплоть до многих ее особенностей, хотя, судя по всему, вполне неосознанно. (Такое соответствие – яркое подтверждение «центрального тезиса» Н. Фрая, трудов К. Г. Юнга, связанных с «коллективным бессознательным», и тезиса М. Бахтина о «памяти жанра»). Гуманизация мифа осуществляется при этой неявной БМ столь же успешно, как при БМ явных. Под видом кажущейся простоты, едва ли не банальности, новелла метонимически транслирует важнейшую экзистенциальную информацию: о сакральности индивидуального начала (тихая Лена метонимически рав-

нозначна Деметре-Персефоне [58, р. 248]; почти все значения слова «gentle» в названии новеллы предваряют эту информацию); о недолжности-неправедности-убийственности и, более того, абсолютной иллюзорности даже частичного отождествления *не-тотема* и истины.

ГМ, формируемая новеллой, хорошо транспонируема при переводе с одного языка (английского) на другой (русский): видимо, наследует эту транспонируемость «мифа как такового», выявленную Кл. Леви-Строссом [34, р. 218].

Обобщение вышесказанного приводит к выводу: эмпирически доказана инвариантность гуманизации мифа к идентичности/неидентичности хронотопов литературного текста и его БМ, как явной, так и неявной.

Глава 3. Инвариантность гуманизации мифа к линейному/ нелинейному соответствию композиций интеллектуальной прозы и базовой мифологемы рассматривает указанную проблематику на примере ИП, где БМ – миф об отмене *не-тотема-смерти*. Это позволяет продемонстрировать и значимость данной БМ, и предоставляемые ею композиционные возможности. Напомним, что миф об отмене *не-тотема-смерти* (см.: [64, р. 21], [49, р. 215-217]) содержит мифологемы о праведном о неправедном выборе, определяя собой два возможных варианта и один подвариант развития событий. Так, протагонист совершает выбор перед лицом *не-тотема-смерти*, представляющейся неодолимой. Если он стремится отменить смерть, то остается жив или воскресает, причем награжден *приростом бытия*. Если он, не стремясь отменить *не-тотем-смерть*, хочет от нее чем-то попользоваться, то гибнет, а вожаемой награды не получает (вариант: награда иллюзорна). Возможна интерференция мифологемы о неправедном выборе с мифологемой об апокатастазисе: «неправедный» протагонист спасен, но без наград и апофеоза. (Фольклорный нарратив нередко охватывает оба выбора, повествуя, например, о двух братьях).

Первый параграф, *Гуманизация мифа при линейном соответствии композиций литературного текста и базовой мифологемы (А. Камю; Р. Акутагава)*, демонстрирует, что роман Альбера Камю «Посторонний» (1942) и рассказ Рюноске Акутагава «Барышня Рокуномия» (1922) – произведения ИП, созданные в разное время, в разных странах, на разных языках, – сущностно сходны: формируют ГМ посредством мифологемы о неправедном выборе, линейно следуя ее композиции. Но по конкретике ГМ данные тексты весьма различны между собой: в «Постороннем» ГМ есть реабилитация этики как основы мира и человека посредством почти математического «доказательства от противного»; в рассказе Р. Акутагава ГМ сформирована как информация о сакральности индивидуального начала и о глубокой, хотя нередко игнорируемой дружественности ему со стороны бытия-Универсума. Поясним вышесказанное, детализировав ряд аспектов.

Роман «Посторонний», как известно, характеризуется и разнообразным воздействием на культуру, и спецификой языка ([3, р. 83], [22]). Но фактически неизвестно, что этот роман – жесткое и актуальное исследование экзистенциального вопроса: «Что есть истина?». Высшие духовные ценности очень долго дискредитировались (ими «обосновывались» самые циничные преступления против индивидуального начала); могло возникнуть впечатление: этика не дискредитирована ложью – этика сама есть прямая ложь, которую нужно отвергнуть во имя истины.

Альбер Камю исследовал эту ситуацию литературными средствами, причем с математической точностью. Автор создал экспериментального персонажа, неявно обладающего фантастическим качеством: Мерсо контекстуально постулирован как человек, объективно находящийся вне этики. Его фантастичность подтверждается особенностями его вербальных соотношений: с антихристом – в тексте романа; с Христом – в авторском предисловии к американскому изданию. Но свое качество пребывать вне этики Мерсо не разделяет ни с кем (Христос – воплощенная Любовь-Этика; антихрист антиэтичен).

А. Камю контекстуально демонстрирует: протагониста можно постулировать каким угодно, но его поступки окажутся либо этичны, либо антиэтичны. Последние – своеобразные «поклоны» *не-тотему*-антиэтике – Мерсо практикует неустанно. Формируется аллюзия на мифологему об искушении Христа в пустыне диаволом: противопоставлены праведный выбор Богочеловека (Его отказ совершать поклоны злу-*не-тотему*-диаволу) и неправедный выбор Мерсо, польстившегося на «царства и славу» лживого *не-тотема*.

Среди «поклонов» Мерсо *не-тотему* есть и незаметные [47, р. 114], и гротескные. Так, по высказываниям Мерсо, любовь настолько «ничего не значит», что вообще «ничего не изменилось», когда смерть-*не-тотем* отнимает его мать – единственное любимое им существо; а Мари, возлюбленная, если бы умерла, и вовсе стала бы ему безразлична. Оба этих «поклона» *не-тотему*-небытию почти антиреалистичны: человек не думает, что с утратой любимого «ничего не изменилось»; слишком явно это противоречит очевидности. Смягчая противоречие, автор экспериментально «отсекает» от Мерсо и интеллект (тоже скомпрометированную высшую ценность): ему оставлен лишь условный житейский «ум».

«Царства и слава», полученные Мерсо от *не-тотема* за служение небытию, оказываются почти не закамуфлированной смертью. Ведь «царства» Мерсо, не без самодовольства им позиционируемые как обладание «по крайней мере» и «хоть», но чем-то «реальным», таковы: «волосок женщины», даже единственный, и смерть, которая «скоро придет». А «слава» Мерсо есть вербализованный автором постулат (предисловие к американскому изданию), что

Мерсо: а) движем «страстью к абсолюту и к правде»; б) «соглашается умереть за правду». Но постулат жестко развенчан текстом романа. Ведь подразумеваемый эпизод извещает: исповедуемая Мерсо «правда» – лишь антиреалистическая ложь, что смерть любимого «ничего не значит». Текст опровергает и элементарную правдивость протагониста. (Так, Мерсо по просьбе сутенера Раймона фабрикует подложное любовное письмо, цель которого – завлечь в дом Раймона бывшую его любовницу и «наказать»; Мерсо свидетельствует в полиции, что избитая женщина обманывала Раймона, хотя и об ее существовании знал лишь со слов сутенера).

А. Камю, стремясь создать последовательно внеэтичную и непротиворечивую систему ценностей, пришел – из-за высокой художественной точности «Постороннего» – к яркому противоречию. Принципиальный гуманист, он жаждал спасти жизнь, хирургически «отделив» ее от скомпрометированных этики и интеллекта. Но в «остатке» обнаружилась лишь смерть. Жизнь и этика оказались равнозначны до неразделимости.

Более того, литературный эксперимент завершился целенаправленным «побегом» протагониста из своей недо-жизни, где у него ампутированы этика и интеллект, в окончательную смерть. На это указывают: а) второй-пятый выстрелы Мерсо в уже убитого им «араба»; б) недоумение следователя, вызванное демонстративной «нефункциональностью» этих выстрелов; с) недвусмысленное обозначение их функции самим Мерсо: «Я как будто постучался в дверь несчастья четырьмя короткими ударами». Для убийства хватило бы первого выстрела; но тогда приговор мог квалифицировать убийство как случайное и сохранить Мерсо его недо-жизнь.

Итак, разноаспектный компаративистский анализ романа «Посторонний» выявляет следующую структуру «доказательства от противного», реабилитирующего этику как основу мира и человека. Экспериментальный «внеэтичный» персонаж, контекстуально облеченный миссией принести миру весть, что жизнь и истина – коренным образом вне этики, неподкупно служит анти-этике как истине и приходит к убийству как целенаправленному самоистреблению. Гуманизация мифа в романе А. Камю «Посторонний» – экзистенциальный прорыв, крайне актуальный для ноосферы XX-XXI века и базирующийся на очень древней мифологеме: о протагонисте, который счел *не-тотем* всесильным, стал беззаветно ему служить и обрел гибель на этом пути.

Рассказ Р. Акутагава «Барышня Рокуномия» тоже базируется на мифологеме о несправедном выборе, но представленной особым случаем: протагонист совершает несправедный выбор в крайне «смягченном» виде (губит лишь себя). К мифологической основе рассказа относятся и характерные для Японии мифологемы: о святом чудотворце в облике нищего бродяги; о ландшафтном боже-

стве, которое связано с прудом. Сюжет заимствован из сборника легенд и преданий «Кондзяку моногатари»; но, видимо, и образ прототипа барышни генетически восходит к синтоистскому божеству, духу местности [51, р. 475-476].

Для выявления сакральности индивидуального начала подобный мотив неявной божественности был очень кстати. Акутагава его развил, создав тонкую, но внятную для японского читателя аллюзию. Так, уже в третьем абзаце текста образ барышни и пруд (конкретизация местного ландшафта) четко соотношены между собой; далее упоминания пруда сопровождают все ключевые события в судьбе барышни.

В рассказе Акутагава мифологема о несправедном выборе, разворачиваясь линейно, воплощена посредством следующих сюжетных элементов.

Структура рассказа «Барышня Рокуномия» – последовательный ряд испытаний героини перед лицом *не-тотема*-смерти, причем барышня последовательно осуществляет несправедный выбор, всякий раз демонстрируя *не-тотему* свою лояльность. Барышня поступает так не по недостатку мужества или стойкости (их хватает на стоическое принятие гибели и на то, чтобы перед лицом смерти слагать об этом стихи), – а полагая, что так надо. Родители обучали ее и приверженности *тотему* (быть воплощением аристократизма, красоты, нежной мягкости и утонченности, слагать танка, играть на кото, хранить верность), и служению *не-тотему* – под видом смирения быть готовой к отказу от любви, радости, воли к жизни. Духовная инерция заставляет барышню не отступать ни на шаг от преподанного ей мировосприятия, как позитивного, так и негативного.

Кульминация возникает в эпизоде смерти барышни. Высшие силы (монах-святой; лунный свет) стремятся предоставить ей жизнь и прекращение бедствий. Но от нее требуется хоть минимальная антилояльность к *не-тотему*-смерти; а привычка потворствовать гибели слишком сильна. Именно поэтому монах сурово характеризует ее как «никчемную женщину», а ее дух не может потом найти упокоения. Святой не бросил барышню в беде: как показывает анализ финального эпизода, святой, сидя у ворот Судзакумон, занят спасением ее души. Но спасением никчемного, по определению, незачем заниматься. Значит, его словами «никчемная женщина» лишь подчеркнута бесконечная ценность индивидуального начала, даже такого, которое всю жизнь совершало несправедный выбор.

Итак, гуманизация мифа в рассказе «Барышня Рокуномия» есть имплицитная информация о сакральности индивидуального начала, о присутствии высокого смысла в Универсуме, который обладает этической устремленностью, причем «заинтересован» в адекватности своего восприятия со стороны человека.

Второй параграф, *Исследуемый феномен при линейном соответствии композиций интеллектуальной прозы – неявного диптиха – и базовой мифоло-*

гемы (Х. Л. Борхес), рассматривает случай структурно более сложный: интеллектуальная проза, базирующаяся на мифе об отмене *не-тотема*-смерти, представлена неявным диптихом – совокупностью таких новелл парадоксалиста Х. Л. Борхеса, как «Тайное чудо» (1943) и «“Deutsches Requiem”» (1946).

Нами показано, что новеллы действительно составляют диптих. Так, в обеих главный сюжетный мотив – ночь приговоренного накануне казни (причем казнь назначена на девять часов утра). В первой новелле эта казнь есть подлое убийство нацистами невинного человека за то, что он еврей и интеллектуал. Во второй – расправа с запятнавшим себя изощренной жестокостью комендантом нацистского концлагеря, особо специализировавшимся на евреях и интеллектуалах; с убежденным палачом, нераскаянным даже перед лицом собственной смерти. Столь же «зеркально» обстоит дело с тем, как два этих протагониста пользуются оставшимися у них крохами времени. Яромир Хладик перед казнью успевает пройти весь путь, отделяющий его от абсолютной этической высоты (мифологема о праведном выборе). Отто Дитрих цур Линде, напротив, стремится за оставшиеся ему часы окончательно утвердить свое единение со злом (мифологема о выборе неправедном).

Продемонстрировано, что диптих эффективно использует дихотомию *тотем/не-тотем*. Дихотомия формирует *тотем* как «тайное» пространство всеединства и любви, где – посредством изощренной игры метонимий, вообще присущей постмодернизму [14, р. 46], – осуществлено и «тайное» спасение обоих протагонистов (награда праведному, милость к неправедному) [67]. Например, тайное чудо в одноименной новелле можно охарактеризовать следующим образом. Протагонист перед лицом *не-тотема*-смерти, стремясь спасти *тотем*-«всех» (себя, мир и Бога) от *не-тотема* – отсутствия смысла, – совершает творческий подвиг: созидает текст, благодаря которому метонимически оказывается одним из борхесовских «тайных спасителей»; а Бог ему в этом помогает.

Итак, показано, что ГМ в борхесовском диптихе есть контекстуально формируемая информация: абсолютно неотчуждаемой, хоть нередко и «тайной» основой бытия является чудо всеединства и любви; оно происходит через творческий подвиг человека, причем с тайной же Божьей помощью; эстетический смысл литературного текста обладает тайным качеством вселенской спасительности.

Третий и четвертый параграфы – *Гуманизация мифа при нелинейном соответствии композиций литературного текста и базовой мифологемы* (Ю. Алешковский) и *Миф об «искушении добром» как базовая мифологема особого типа*, рассматривая соответствующее формирование ГМ, констатируют, что в обоих случаях – в смеховой новелле Ф. Кафки «Правда о Санчо Пансе» (1917) и в смеховом романе Ю. Алешковского «Кенгуру» (1975) – нелинейное соответ-

ствие композиций ИП и мифологемы о праведном выборе сочетается с использованием в качестве БМ еще двух мифологем: мифа о смехе и выявленной нами специфической мифологемы об «искушении добром». Также показано, что в романе Ю. Алешковского ГМ формируется при дополнительной интерференции указанных мифологем с БМ об Одиссее [56, р. 71-73]. Контекстуальная трактовка протагониста – трикстера Фан Фаныча – идентична трактовке Одиссея как «героя возвращения» (по Т. Жечеву), который с парадоксальной успешностью действует «вопреки судьбе» там, где судьба смертоносна (по А. Лосеву), являя собой парадигму и хитроумия, и отваги на все последующие времена (по Р. Торрансу).

Исследование БМ об «искушении добром» – на примерах смеховой новеллы Ф. Дюрренматта «Мистер Ч. в отпуске» (1957), а также смеховых текстов Ф. Кафки и Ю. Алешковского – приводит к выявлению в ИП XX века особого типа базовых мифологем, неизвестного ранее, но предсказуемого с учетом «центрального тезиса» Нортропа Фрая.

А именно, существуют модификации древних мифологем, характеризующиеся тремя признаками: потенциал возникновения данной модификации древней мифологемы обусловлен одной из базовых закономерностей мифологического сознания; эта модификация не была сформирована фольклорным сознанием (потенциал ее возникновения не был реализован); данная модификация оказалась явно или неявно сформирована произведением ИП в качестве его базовой мифологемы.

БМ этого типа мы обозначили как «базовые мифологемы, потенциал которых реализован в рамках ИП». К нему и принадлежит мифологема об «искушении добром», выявленная в смеховых нарративах указанных авторов, причем у Ф. Дюрренматта данный термин вербализован дважды: сначала одним из персонажей – «мистером Б.» (самим Богом), а затем и нарратором. Мифологема об «искушении добром» представляет собой модификацию мифа об отмене *не-тотема-смерти*, где «искушаемой» стороной является протагонист, посвятивший себя служению *злу-не-тотему*, а «искушающая» сторона есть *добро-тотем*. А выявление в ИП XX века этого особого типа БМ, прогнозируемого благодаря «центральному тезису» Нортропа Фрая, подтверждает гипотезу об эффективности применения указанного тезиса к ГМ в ИП.

Поскольку же инвариантность ГМ к вариациям соотношенностей композиции текста и БМ рассматривалась на примерах такой ИП, где указанная БМ представлена мифом об отмене *не-тотема-смерти*, то одновременно продемонстрировано и формирование гуманизации мифа посредством этой ее динамической константы.

Глава 4. Инвариантность гуманизации мифа к традиционной/ новаторской трактовке базовых мифологем в интеллектуальной прозе, осуществляя рассмотрение ГМ в текстах Г. Гессе, Ф. Кафки, Т. Манна, К. Чапека, демонстрирует: исследуемый литературный феномен инвариантен по отношению к самым прихотливым вариациям трактовок базовых мифологем ИП XX века. Указанную инвариантность мы сочли целесообразным выявить в таких произведениях интеллектуальной прозы, где одна из БМ – это миф о смехе, что позволяет, во-первых, дополнительно подчеркнуть значимость и частоту использования указанной динамической константы ГМ, а во-вторых, показать: ее использование может содействовать смеховому преобразению привычной трактовки другой БМ текста. Напомним, что миф о смехе – мифологема, которая формирует в произведении катарсальную смеховую составляющую и может быть вкратце охарактеризована так: смеховой герой, по М. Бахтину [28, р. 88], формирует вокруг себя смеховое пространство (его неперемная основа есть вселенская любовь), где осуществляется умножение *тотема* и/или отмена *нетотема* (подробнее см.: [52, р. 103-104], [57, р. 292-297]).

В первом параграфе – *Гуманизация мифа при явной базовой мифологеме: традиционная трактовка (Г. Гессе)* – рассматривается относительно наиболее простой случай выявляемой инвариантности. Он представлен романом Г. Гессе «Степной волк» (1927), который, как нами показано, является новаторским не только с точки зрения его формы (по Р. Кестеру), но и сущностно: в этом романе смех идентифицирован как высокодуховный спасительный философский акт. Нами выявлено в частности, что гессианская теология смеха формировалась автором целенаправленно, о чем свидетельствует его утверждение: именно Моцарт и другие бессмертные являются «истинным содержанием книги» (аруд [4, р. 153]). Главный же контекстуальный атрибут гессианских «бессмертных» – именно смех, который метонимически равнозначен «вечности». А «вечность», по Г. Гессе, есть «мир вечных ценностей, божественной сущности»: человеку, достигшему определенного уровня, неизменно удастся туда «прорваться»; а бессмертные – Гете, Моцарт и им подобные люди высоких духовных помыслов и свершений – радушно его туда приглашают, являясь ему в снах, в великих произведениях искусства, в магическом театре (сокровенных глубинах его души) и даже – неузнанными – во плоти. Контекстуально обретение бессмертия подобным путем – выявлением своей высокой сущности – вообще есть предназначение каждого человека, им интуитивно предчувствуемое.

Осмысление мифологической основы гессианского «смеха бессмертных», а также спасительности «бессмертных», их происхождения и т.д., нами осуществленное, приводит к выводу о ее поликонфессиональности. К ее греческим источникам относятся гомеровский «смех богов» вкупе с известным определе-

нием, принадлежащим античному философу Проклу: смех богов есть «щедрая энергия, направленная на все, и причина порядка того, что находится в мире», или неистощимое «дарование всех благ», которое «поэт справедливо именуется их неугасимым смехом» (аруд [35, р. 320]). «Бессмертные» Г. Гессе обязаны своим существованием и понятию «бодхисаттва» в Махаяне. Это древнеиндийская идея о тех, кто достиг просветления и мог бы наслаждаться вечным блаженством, но вернулся в сансару, дабы помочь просветлению других. Идею о «скрытых святых» (Пабло в речи Гермины), или о тайных праведниках, на святости которых держится мир, Гессе мог почерпнуть из иудаизма. Дополнительным мифологическим источником гессианской идеи о жизнедательном божественном смехе могла явиться смеховая космогония известного Лейденского папируса (божество созидает мир раскатами смеха, а смерти вообще нет), выявленная французским археологом С. Рейнахом.

Продемонстрировано, что роман последовательно осуществляет смеховую отмену смерти: Гермина не убита; Гарри «приговорен» к вечной жизни; а поскольку, по Г. Гессе, участь Гарри есть участь «каждого человека», то – посредством осуществления смеховой гессианской прагматики – «приговорен» к вечной жизни каждый. Выявлено, что Г. Гессе, во-первых, считает высшей инстанцией голос человеческой сущности (Гарри принимает требование бессмертных лишь потому, что оно гармонирует с его сущностью, и лишь после того, как узнает, что санкций за отказ нет [66, р. 117-118]), а во-вторых, неявно идилличен. По Шиллеру, идиллия есть гармония человека с самим собой и с миром. А финальная фраза романа именно об этом и свидетельствует: герой стремится к тому, чтобы когда-нибудь научиться смеяться, Универсум же – в лице Моцарта и Пабло – этого ждет.

Все это дает основания утверждать, что в романе «Степной волк» ГМ возникает при контекстуальной разработке особого концепта, который обозначен автором как «смех бессмертных», причем включает в себя особую теологию смеха и соответственно прагматику спасения человека и преобразования Универсума.

Второй параграф – *Гуманизация мифа при неявной базовой мифологеме: новаторская трактовка, восходящая к забытой трактовке (Ф. Кафка; Т. Манн)*, – выявляет особую традицию в европейской литературе, исследуя ГМ в кафкианской новелле «Правда о Санчо Пансе» (1917). Новелла повествует, как протагонист сумел настолько искусить добром самого беса, что тот преобразился в смеховой архетип защитника добра. А традиция, представленная именами И. В. Гете, Ф. Кафки и Т. Манна, такова: по-смеховому, трикстерски используя реминисценции «Книги Иова», воплощать интенцию, заданную самой мифологемой, – программу отмены *не-тотема*-смерти совместными усилиями Бога и человека [48]).

Так, в «Фаусте» Гете взамен предания о предопределенных Богом мучениях заведомого праведника (Иова) дана история о предопределенном Богом спасении заведомого грешника (Фауста), который продал душу дьяволу. Благотельным трикстером у Гете оказывается сам Бог; Бог фактически вербализует постулат о бессилии зла; таким образом, акцентированы гармонизирующие действия Бога. У Ф. Кафки акцентированы гармонизирующие действия человека. Санчо совершает праведный выбор перед лицом *не-тотема*-зла: к протагонисту приставлен бес, долженствующий его погубить и натворить через него много бед. Но трикстер Санчо по-смеховому, используя рыцарские романы, освобождает от ужасного предопределения и себя, и Универсум, и даже беса: дает ему человеческое имя (Дон-Кихот), искушает служением добру и не оставляет на произвол судьбы. Кафкианская новелла, таким образом, формирует и смеховое дополнение концепта «Бог» из мифологемы об Иове: Бог может попустить силам зла вмешаться в жизнь человека, но Он же непременно поможет человеку свободному, человеку-трикстеру безболезненно и даже с пользой для себя и других отменить зло и гармонизировать Универсум. А в тетралогии «Иосиф и его братья» манновский нарратор благотельно и трикстерски вербализует именно аспект сотрудничества Бога и человека. Как нами показано, эти тексты, используя миф о смехе, осуществляют особую этизирующую трактовку неявной БМ (мифологемы об Иове) – новаторскую ее трактовку, которая восходит к трактовке давно забытой. А значит, миф о смехе может способствовать смеховому гармонизирующему преображению привычной трактовки других БМ текста, формирующего гуманизацию мифа.

Третий параграф – *Анализируемый феномен при явной базовой мифологеме: новаторская трактовка, способствующая восстановлению неявной и утраченной мифологемы (К. Чапек)* – показывает, что в новелле Карела Чапека «Исповедь Дон Хуана» (1932) мифологическое сознание осуществляет дальнейшую гармонизацию концепта «Дон Жуан». Ее возможность и необходимость подтверждаются мифологическими наитиями многих литераторов и философов. В том числе – и утверждения Х. Ортеги-и-Гассета, основополагающие для нашего подхода к новелле: «легенда о Дон Жуане» интерпретируется философом как «миф о человеческой душе», причем ассоциируется с «карнавальными ароматами севильского барокко» [38, р. 41-42].

«Исповедь дон Хуана» – один из смеховых чапековских «Апокрифов»; а значит, нарратор карнавально-смеховым образом [29] обещает открыть тайну сакрального, всеобъемлюще важного характера, которая неразрывно связана с Дон Жуаном. Но вопрос, исполняется ли «Исповедью» это смеховое обещание, находит в научной литературе лишь косвенные, причем даже противоречащие друг другу ответы. Мы обосновываем прямой и положительный ответ на этот

вопрос. Продемонстрировано, что ГМ в новелле осуществляется как очищение концепта «Дон Жуан» от привнесенной в него идеи «демонической» свободы разрушения; а позитивная свобода протагониста подтверждается вызовом, который чапековский дон Хуан бросает смерти. Концепт выведен здесь на новый уровень: позитивной свободой обладает не только протагонист, но «все». Контекстуально дон Хуан как бы делится своим главным качеством с окружающими, а они спасают его из ада, через осознание и речь нарушив главное качество ада – его непроницаемость.

При анализе древнейшей мифологической базы, обуславливающей особенности ГМ в данной смеховой новелле К. Чапека, нами обнаружен и обозначен особый подвид неявных БМ – «подвид “утраченные мифологемы”». Древняя мифологема принадлежит к подвиду, если, утраченная человечеством, она хоть частично воссоздана литературным текстом в качестве его БМ и потому может оказаться обнаруженной при его анализе (с учетом различных закономерностей эволюции древнейшего мифологического сознания в аспекте гуманизации мифа). Соответственно выявлена и эмпирически подтверждена принципиальная возможность, анализируя ИП в аспекте гуманизации мифа, восстановить структуру «утраченной мифологемы», в качестве БМ частично воссозданной данной ИП.

Поскольку в данной главе инвариантность ГМ к вариациям трактовок БМ рассматривалась на примерах ИП, где одна из БМ – миф о смехе, то продемонстрировано и формирование гуманизации мифа посредством этой динамической константы ГМ.

Глава 5. Инвариантность гуманизации мифа к интерференции базовых мифологем выявляет указанную инвариантность по отношению к следующему ряду особых случаев: одна из интерферирующих в ИП базовых мифологем сама формирует гуманизацию мифа; одна из интерферирующих БМ активно противостоит гуманизации мифа; налицо автоинтерференция одной из БМ (интерферируют самая древняя и более поздняя ее модификации).

В первом параграфе, *Рассматриваемый феномен при интерференции базовых мифологем, одна из которых формирует гуманизацию мифа (Р. Вальзер)*, указанный случай представлен маленькой смеховой новеллой «Ибсеновская Нора, или Жареная картошка» (1925) Роберта Вальзера – одного «из наиболее значительных немецкоязычных авторов XX века» [39, р. 301] (по С. Сонтаг), именно малая проза которого, по Дж. М. Кутзее, наиболее блистательна.

Продемонстрировано, что базовыми мифологемами вальзеровской новеллы являются мифологемы о катабазисе (см.: [55, р. 152-153]) и о внеэтичном запрете, который должен быть нарушен. Они используются автором «в подражание» пьесе Генрика Ибсена «Кукольный дом»; причем Р. Вальзер целенаправ-

ленно и по-смеховому выправляет главный этический сбой ибсеновской пьесы. Ведь Г. Ибсен, страстно стремясь освободить от вселенской «вины» хоть чье-либо (Норы) индивидуальное начало, верил: для этого неизбежно требуется трактовать кого-либо другого как «пустое место», возложив на него «вину», почти все равно какую, однако неизбывную. Подобный сбой, ощущаемый самим Ибсеном как неизбывное терзание души троллями, Н. Бердяевым читался как тяжкая утрата «живого Бога» этим выдающимся драматургом, отважно взыскующим «божественной высоты», – утрата, возникшая вследствие «кризиса гуманизма» [31, v. 2, p. 211-212]. С нашей точки зрения, сбой был порожден склонностью, характерной не только для Ибсена, считать себя неотделимым от своей вины (а та всегда найдется) и жертвенным, причем антиэтичным стремлением «отменить», приравняв к «пустому месту», себя заодно со своей виной. Подобный антигуманизм мы рассматриваем как разновидность подчинения идее «злого Универсума», ощущаемого как нечто объективное. (Гениальное противостояние Г. Ибсена такому подчинению – создание концепта «Пер Гюнт»: виновный спасен от истребления-переделки Пуговичником, поскольку все-таки «был самим собой» – пусть лишь в любящем сердце Сольвейг; метонимически это означает спасение всех).

Как нами показано, Р. Вальзер «изгоняет» своей новеллой ибсеновских «троллей» антигуманизма, чем и объясняется ее катарсическая: автор по-смеховому и мифологически убедительно формирует картину мира, опровергающую постулат, что человек – «пустое место». Для этого к базовым мифологемам «Кукольного дома» Вальзер добавляет еще три: миф о смехе; мифологему об испытании протагониста Великой Матерью на его магическую состоятельность и родственную ей мифологему о брачных испытаниях героя, или «трудных задачах» [68, p. 240]. Последняя из них – вариация о магическом угощении – и формирует смеховой мотив о контрольном испытании протагониста Норой на способность захотеть жареной картошки (ведь «пустое место» этого не может).

Нами выявлено: новелла Р. Вальзера выправляет ибсеновский сбой, трикстерски осуществляя не только иной ход событий («Кукольный дом» – пьеса; значит, все там можно «переиграть»), но и метафизическое смеховое преобразование «Кукольного дома».

Новелла начинается в тот метафизический «момент» пьесы, когда концепт «ибсеновская Нора», включающий в себя антигуманизм, там уже сформирован и есть что преобразовать. Вальзер, как бы описывая театральное представление, трикстерски формирует чувства и мысли ибсеновской Норы (а не актрисы, ее играющей), супруг которой внезапно скинул «с себя облаченьице трусливого резонерства», предварительно «улыбнувшись». При этом как бы вполне принимая ибсеновский постулат, что Хельмер есть олицетворение низости и

виновности, Вальзер трикстерски формирует свой постулат: автор посмеховому неявно постулирует низость негативным облачением, которое можно скинуть, а экзистенцию – неотделимой от сущности каждого человека. У этого гуманизирующе трикстерского постулата есть опора и в БМ, и в ибсеновском литературном пространстве: 1) мотив БМ, когда персонаж, сбрасывая шкуру животного, меняет обличье с животного на человеческое; 2) по утверждению Пер Гюнта, хвост, который навязали ему тролли, он, человек, всегда сумеет отвязать, а предложенное ими облачение – с себя стряхнуть.

Поступок вальзеровского Хельмера метонимически отменяет нишу «пустое место» как неперемнную принадлежность Универсума. Ведь стараниями драматурга Хельмер есть олицетворение виновности (подобно тому, как Нора – олицетворение индивидуального начала). И если он «сбрасывает» с себя низость и соответственно вину, их просто не остается на свете. Нора и зрители (вальзеровские персонажи) – метонимически «все» – избавляются от ибсеновского страха и его уверенности в том, что Универсум непременно должен содержать нишу «зло», которую непременно кто-нибудь должен собою заполнять. Универсум преобразен в райское состояние.

Итак, нами показано: ГМ в исследуемой новелле формируется посредством того, что Вальзер создает особую смеховую модель Универсума, где нет вины и низости, где спасено – наделено неотъемлемой экзистенцией – индивидуальное начало каждого человека (а не только избранных, как у Ибсена); создает, можно сказать, райскую модель Универсума, по-смеховому преобразая концепт «ибсеновская Нора».

Во втором параграфе, *Исследуемый феномен при интерференции базовых мифологем, одна из которых активно противостоит гуманизации мифа* (Г. К. Честертон; Т. Пратчетт), в качестве БМ, активно противостоящих гуманизации мифа, рассматриваются мифологемы о злом роке и об Апокалипсисе.

Показано, что Г. К. Честертон в новелле «Злой рок семьи Дарнуэй» (1926) формирует гуманизацию мифа, креативно используя контрастную интерференцию базовых мифологем (негативной БМ о неодолимом злом роке и позитивной БМ о *тотеме*, побеждающем *не-тотем*). Автор раскрывает тему о свободе воли и возможности счастья, метонимически возведенных в ранг вселенского закона, который идентичен мифологеме-дихотомии *тотем/не-тотем*. Мощь «злого рока» очень впечатляет, но в конце концов оказывается иллюзией, порождением корыстного обмана. Мудрый отец Браун, священник, побуждаемый верой в свободу человека, выявляет истину: не было ни самоубийства, ни безумия, ни даже проклятия (Дарнуэй убит обманщиком, сфабриковавшим предание о злом роке Дарнуэев); Аделаида вольна выйти замуж за любимого и быть счастливой. Контекстуально *тотем*, истинный и победительный, есть совокупность концептов «Господь Бог», «дневной свет», «освобождение, чистое, как

весенние цветы», «человеческая воля, которую Господь Бог сделал свободной». *А не-тотем*, ложный и побеждаемый, представлен в тексте как «смерть и рок, глухой и безжалостный», «мрак», «убийство или самоубийство», «глупость» и «научное суеверие», которое ничем не «лучше суеверия мистического» [45]. Широкое использование в честертоновской новелле такой БМ, как дихотомия *тотем/не-тотем*, демонстрирует возможность формирования в ИП гуманизации мифа посредством этой ее динамической константы.

Выявлено, что в смеховом фэнтези Т. Пратчетта «Вор времени» (2001) формирование ГМ осуществляется посредством интерференции мифологемы об Апокалипсисе с мифом о смехе и мифом об отмене *не-тотема*-смерти. ГМ воплощена здесь как смеховая отмена Апокалипсиса, включающая в себя гуманизирующее переосмысление концепта «Апокалипсис» и апокалиптической семантики. Поскольку подобное переосмысление наблюдается в столь разнородных культурных феноменах, как смеховое фэнтези Т. Пратчетта, философия Бердяева, телесериал «Сверхъестественное» Э. Крипке, его можно рассматривать как устойчивую интеркультуральную тенденцию [63].

Итак, БМ, которые крайне активно противостоят гуманизации мифа (об апокалипсисе; о неодолимом злом роке), могут успешно использоваться в ИП для формирования гуманизации мифа посредством их интерференции с мифологемами, формирующими ГМ.

В третьем параграфе, *Гуманизация мифа при автоинтерференции одной из базовых мифологем: древней и поздней ее модификаций* (Д. Хармс), формирование ГМ рассматривается на примере повести «Старуха» (1939), которую исследователи склонны полагать кульминацией творчества Даниила Хармса. Автоинтерферирующая БМ представлена мифологемой о Великой Матери. Интерферируют две ее модификации: о благой Великой Матери и о злой Великой Матери (последняя, более поздняя модификация, порождена этапом жертвоприношений [46]). ГМ формируется при интерференции этих модификаций еще с тремя мифологемами: о катабазисе благой Великой Матери; об убийстве злой Великой Матери; о единении протагониста с *тотемом*-жизнью или с *не-тотемом*-смертью (посредством жеста и/или вербального контакта). Мифологическая «назидательность» повести, тесно связанная с ее катарсисальностью, базируется на архетипических образах Великой Матери и Чудотворца (подробнее см.: [62, р. 159-164]). Конкретика назидания такова: не надо падать ниц перед злом-*не-тотемом*, даже если оно усиленно приглашает; не надо отказываться совершать светлые чудеса; иначе будешь бродить по преисподней, пока этого не поймешь; следует помнить, что человек призван этизирующе гармонизировать Универсум, а благие воплощения Универсума явно и неявно подают ему спасительную помощь.

Глава 6. «Центральный тезис» Нортрона Фрая применительно к гуманизации мифа: мифологема об апокатастазисе, рассматривая данную мифологему в качестве БМ интеллектуальной прозы XX века, подтверждает одну из наших гипотез – об эффективности применения «центрального тезиса» Н. Фрая к литературному феномену ГМ в ИП в ходе ее компаративистского анализа. Краткий обзор указанной проблематики (в начале главы) выявляет следующий ряд особо значимых аспектов.

К. Г. Юнг осмысливает концепт «апокатастазис, что означает полное восстановление» [18, р. 1355] целенаправленно и целостно – как «легендарный образ» и «глубочайшую идею» [17, р. 72]. Он в частности возводит апокатастазис к выявленному Л. Фробениусом мифологическому мотиву «всеобщего выползания», или *Allausschlupfen* («герой, выходя из чрева китова, выводит вместе с собою и своих родителей, и всех, раньше поглощенных чудовищем» [19, р. 261]. Юнг подчеркивает: древнегреческие отцы Церкви «особенно настаивали на идее того, что, когда наступит конец времен, всякая вещь будет восстановлена Спасителем в своем первоизданном и совершенном виде», а также цитирует ряд апокатазистических утверждений из Нового Завета [17, р. 72]. Базируясь на разработках К. Г. Юнга и выявленной им информации (термин включен в составленный К. Чалквистом «A Glossary of Jungian Terms»: «Апокатастазис: всеобщее воскрешение или восстановление» [5]), мы формулируем суть мифологемы так: *не-тотем*-смерть пожирает (похищает) множество (всех) живых существ; но затем каждое из них возвращено в жизнь-*тотем* (воскрешено, восстановлено в истинном своем виде). Нами также выявлено, что реликты мифологемы присутствуют в сказках типа АТ410 и в ряде фольклорных преданий (о городе, оказавшемся в локусе смерти, а затем спасенном; о сошествии Христа в ад и выведении оттуда тех, кто был взят смертью; о катабазисе Кецалькоатля etc.). Нами рассмотрен предполагаемый генезис мифологемы об апокатастазисе как одного из древних проявлений этизирующего предписания, формируемого дихотомией *тотем/не-тотем* («Стремись служить жизни и отменять смерть») и выявлен потенциал ее развития в ИП, связанный с эволюцией концепта «все». Так, в какой-то момент «все» оказались уже человечеством и даже всеми живыми существами, а не только всеми семерыми козлятами или всеми людьми, попавшими когда-либо в чрево китова. К данной мифологеме восходит и идея древнегреческого философа Оригена, постулирующая конечное спасение всех духовных существ, включая падших ангелов и самого дьявола (сформирован концепт «все», который включает в себя и фантастических существ). Поясняя этические истоки этой идеи, Н. Бердяев пишет: «Когда Ориген сказал, что Христос оста-

нется на кресте и Голгофа продолжится до тех пор, пока хоть одно существо останется в аду, он выразил вечную истину» [30, р. 234].

Нами также выявлено, что мифологема об апокатастазисе находится в информационно противоречивой ситуации. Разносторонне присутствуя, как показано Юнгом, в «коллективном бессознательном» и являясь БМ многих литературных произведений, мифологема практически не наблюдается в сфере осознанного: хорошо известная лишь специалистам, она почти не существует для обыденного сознания. В обыденном сознании, кроме того, мифологема об апокатастазисе фактически замещена своим же искажением, поздним и почти зеркальным, – мифологемой об апокалипсисе, почти всеобщей финальной гибели. Противоречивость, видимо, обусловлена тем, что сегодня логическое осмысление апокатастазиса должно быть осуществлено на новом уровне, соответствующем менталитету XXI века, или – в терминах ЮНЕСКО – эпохи «нового гуманизма в XXI веке» [32].

Первый параграф, *Тезис Н. Фрая и формируемые интеллектуальной прозой ступени апокатастазиса (Х. Л. Борхес; Ф. Дюрренматт; А. Битов)*, демонстрирует, что оригеновская модификация апокатастазиса – о спасении демонических существ спустя много грядущих эонов – находит сюжетные соответствия в ИП XX века. (Этим подтверждается тезис Н. Фрая о наследовании-преображении литературой мифологических структур). Причина, видимо, в том, что ИП XX века, стремясь к максимальной эффективности в эмансипации индивидуального начала от *не-тотема*-зла-ада, использует и предельные до фантастичности варианты. Иначе говоря, «спасать дьявола из ада» для ИП XX века – с ее целенаправленной эмансипацией каждого индивидуального начала от *не-тотема*-зла – столь же естественно, как для литературы Возрождения с ее эмансипацией плоти было естественным «загонять дьявола в ад» (ренессансная шутка-иносказание, сюжетно воплощенная Дж. Боккаччо).

Нами последовательно рассмотрены: «эон Борхеса-Сведенборга» – текст Х. Л. Борхеса «Эмануэль Сведенборг» (1979); «эон Дюрренматта» – новелла Ф. Дюрренматта «Мистер Ч. в отпуске» (1957); «эон Битова» – роман «Пушкинский дом»; «эон Кафки» – смеховая новелла «Правда о Санчо Пансе» (1917). Продемонстрировано, что в «зоне Борхеса-Сведенборга» демонические существа (в них после смерти превращаются люди, приучившие себя черпать наслаждение в зло-разрушении), настолько не сознают свое страдание от разлученности со своей индивидуальной сущностью-этикой-Богом-*тотемом*, что их состояние даже можно назвать «счастьем», хотя нет сомнений в тяжелой его ущербности. (Контекстуально Бог потому лишь и позволяет демонам находиться в аду, что там они счастливы). Показано, что в «зоне Дюрренматта» у мистера Ч. (черта) разлуки с Богом уже нет. Но мистер Ч. столь далек от своей инди-

видуальной сущности, что может «честно и добросовестно», вопросами не задаваясь – из-за почти детского доверия к «принципалу», – исполнять «возложенную на него тяжкую работу» (функции искусителя и палача). Но и о бытии указанной сущности мистер Ч. осведомлен столь отчетливо, что просит мистера Б. о трехнедельном отпуске, намереваясь провести его, творя добро, о чем «всегда мечтал». А значит, внутренняя ситуация демонического существа в «эоне Дюрренматта» лучше таковой в «эоне Борхеса-Сведенборга». Выявлено, что в «эоне Битова» – в «блистательном его шедевре, романе “Пушкинский дом”» [6, р. 2] (1978), для которого весьма характерны разнообразные «игровые интенции» [7, р. 88-89], – демон (Митишатъев) обретает ощущение своего страдания, но и картина мира такова, что избавление демонского существа зависит только от него самого. Ведь предел его зависти и мечтаний – превратиться в человека, а текст метонимически и по-смеховому сообщает, что это возможно. В «эоне Кафки» бес, избрав служение этике, превратился в человека со всей смеховой окончательностью: стал для человечества смеховым символом такого служения, а заодно и предостережением, что осуществлять это занятие следует все же по-человечески. Итак, нами показано, что, формируя «зоны апокатастазиса», ИП XX века по-смеховому «спасает из ада» демонские существа, доводя их до благородного состояния человека, из которого они – по Борхесу-Сведенборгу – когда-то «выпали». Фактически ИП сформировала модификацию мифологемы об апокатастазисе, где концепт «все» содержит и демонских существ.

Второй параграф, *Осуществление апокатастазиса: Паул; Пруст (М. Себастьян)*, показывает, что в романе «Accidentul» (1940) выдающегося румынского литератора Михаила Себастьяна – посредством креативного использования БМ о катабазисе и Великой Матери – сформирована «планетарная» модификация апокатастазиса. Ведь апокатастазис метонимически осуществлен нарратором по отношению ко «всем» существам картины мира, формируемой текстом: людям (Марсель Пруст), персонажам (Паул, Сван, Марсель) и зверям (медвежонок). Поясним вышесказанное детальнее.

Контекстуально – посредством целенаправленных аллюзий на эпопею М. Пруста – М. Себастьян осуществляет неявное метонимическое отождествление своего Паула с прустовскими Сваном и Марселем, а также с самим М. Прустом [65]. Паул спасен посредством катабазиса, предпринятого ради него Великой Матерью: Нора выводит любимого из «преисподней» – его внутреннего ада, затягивающего Паула в гибель. Суть катабазиса: *тотем* (любящий) спасает *то-тема* (любимого) из локуса *не-то-тема-смерти*; Великая Мать есть антропоморфное воплощение Универсума, или «мать зверей», «безмужняя мать»; позднее она стала мыслиться еще и женой, в частности как «Мать-Земля». Сюжетную линию катабазиса метонимически подтверждает эпизод опасного лыж-

ного восхождения Паула и Норы в метель, где Нора – вожатый; цель – райский локус (Бах; старая церковь в Брашове); а гибель угрожает и самой спасительнице. Мифологический генезис Норы от Великой Матери воплощен утонченно-метонимически и разнообразно [65, р. 188-190]. Таковы, например, «цветочные» эпизоды (с сиренью; с гвоздикой: забота Нора об этом цветке из бутоньерки Паула, есть, по Ю. Быйкушу, магический ритуал, символизирующий ее стремление вернуть к жизни самого Паула). Таковы и «медвежьи» эпизоды (спасенный медвежонок и Медвежья пропасть). Их дополняет эпизод брачного «угадывания примет» Великой Матери (по В. Проппу) – разгадывания Паулом тайного «секрета» Норы: «Ты прекрасна, Нора. Есть гармония между тобой и тобой; и именно эта гармония зовется красотой». Апокатастическая устремленность романа парадоксально подчеркнута его названием. Паул полагал, что ему вообще нет спасения; а к таковому вел даже «несчастный случай», имевший последствием спасительное знакомство Паула с Норой.

Отметим, что мотивы, восходящие к мифологемам о Великой матери, вообще характерны для многих произведений румынской ИП XX века. Так, в романе М. Садовяну «Золотая ветвь» (1933) мотив любви между Великой Матерью (молодой императрицей Марией) и ее избранником (волхвом Кесарионом Бребом) идентифицирован как «то, <...> что <...> воссияет золотой ветвью в веках, ибо сокровенная суть его не подвластна времени» [21, р. 347]. Сочетание представлений о «злом» Универсуме и «злой» Великой Матери (Эмили), овладевшее Ладима, протагонистом романа К. Петреску «Прокрустово ложе» (1933), обуславливает самоубийство этого персонажа. Мифологемой о злой Великой Матери во многом определяется новелла М. Элиаде «Девушка Кристина» (1936); к образу Великой Матери восходит и ряд других его персонажей, в том числе Иляна («Noaptea de Sânziene», 1955), «цыганки» («У цыганок», 1959), Оана («На улице Мынтуляса», 1968).

Третий параграф, *Осуществление апокатастазиса: Лужин; Достоевский (В. Набоков)*, выявляет, что В. Набоков сформировал апокатастазис в «Защите Лужина» (1929), используя основное этическое противоречие в творчестве Ф. Достоевского. Достоевский, отважный апологет человека как такового, тем не менее некоторых своих персонажей, например, Лужина, людьми вообще не считал: метонимически «раздавливал» их как насекомых. Набоков создает текст, где персонаж, названный Лужиным, метонимически приравнен к Достоевскому: Лужин-ребенок нарочно раздавил жука, с которым перед тем поиграл. Набоков формирует особый Универсум (он состоит из персонажа, раздавившего существо, с которым тот сначала поиграл, и этого существа), где Лужин, Достоевский и жук суть «все». Лужин затем тоже разможен, но метонимически обретает финальное спасение-восстановление благодаря тому, что Набоков использует

две древние мифологемы: о катабазисе; о Великой Матери и ее избраннике. Поскольку Лужин приравнен и к Достоевскому, и к жуку, метонимически спасены они все [42].

Итак, осмысление ГМ в данной главе показывает, что ИП XX века воплотила новую модификацию мифологемы об апокатастазисе, где концепт «все»: а) распространяется и на фантастических существ; б) планетарен.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Системное компаративистское исследование, осуществленное в данной работе, впервые выявляет литературный феномен гуманизации мифа в интеллектуальной прозе XX века именно как целостный и единообразно идентифицируемый.

Как известно, впервые феномен ГМ был выявлен, назван и описательно обозначен Томасом Манном (1942); одноименный концепт был выведен из сферы бессознательного, а термин устойчиво вошел в научный оборот. Но феномен не стал предметом системного научного исследования, базирующегося на материале такого объекта, как ИП XX века.

Подобное исследование литературного феномена ГМ стало возможным благодаря использованию особого инструментария – компонентов разработанной нами концепции гуманизации мифа. Среди важнейших из них – три динамические константы гуманизации мифа (наиболее обобщенные из древнейших мифологических структур, формирующих ГМ): дихотомия *тотем/не-тотем*, миф о смехе, миф об отмене *не-тотема*-смерти. Концепция гуманизации мифа как опыт системного исследования одноименного феномена базируется на ряде открытий гуманитарной мысли XX века. Особое место среди них занимают интерпретативный подход Клиффорда Гирца, «центральный тезис» Нортропа Фрая, дихотомия *тотем/не-тотем* Ольги Фрейденберг, а также разработки М. Бахтина, В. Проппа, К. Кереньи, К. Г. Юнга, М. Элиаде, А. Швейцера, Э. Фромма, К. Ясперса. Концепция в целом дает возможность выявления и идентификации тех глубинных смыслов, которые, присутствуя в сфере бессознательного и формируя катарсис, не становятся без специального анализа достоянием осознанного.

В работе впервые сформулирована научная дефиниция литературного феномена гуманизации мифа, которая характеризуется следующей совокупностью качеств: полнота; внутренняя непротиворечивость; соответствие идеям Томаса Манна (в частности, выявление иллюзорности тех противоречий, которые, как может показаться, присутствуют в высказываниях Т. Манна о гуманизации мифа). Впервые, в соответствии с указанной дефиницией, сформирован и способ единообразной идентификации этого феномена.

Предлагаемая дефиниция такова: гуманизация мифа как литературный феномен есть этизирующая гармонизация Универсума (картины мира), формируемая в литературном тексте посредством мифологических структур (мифологем), которые присутствуют там явно или неявно. Предлагаемый способ единообразной идентификации феномена гуманизации мифа в конкретном литературном произведении сводится к выявлению факта (фактов) умножения *тотема* и/или отмены *не-тотема* в картине мира, формируемой текстом. Дихотомия *тотем-жизнь/не-тотем-смерть* есть понятие, выявленное Ольгой Фрейденберг, а затем в рамках указанной концепции экстраполированное нами с учетом *Achsenzeit* Карла Ясперса и других достижений философской мысли XX века, которые связаны с концептом «индивидуальное начало». *Тотем* есть все, единственное индивидуальному началу и/или отождествляемое им с жизнью; *не-тотем* есть все, противосущностное индивидуальному началу и/или отождествляемое им со смертью.

В данной работе литературный феномен ГМ выявлен на примере текстов таких авторов, как Т. Манн, Р. Акутагава, Ю. Алешковский, А. Битов, Х. Л. Борхес, Р. Вальзер, Г. Гессе, Ф. Дюрренматт, А. Камю, Ф. Кафка, В. Набоков, Т. Пратчетт, М. Себастьян, Г. Стайн, К. Чапек, К. Г. Честертон, Д. Хармс. Выбор исследуемых двадцати произведений интеллектуальной прозы XX века определялся таким критерием, как максимальная степень их реперезентативности для достижения основной цели исследования и решения соответствующих задач. Именно поэтому, вопреки нашему стремлению рассматривать лишь по одному произведению каждого из авторов, в данной работе проанализированы три текста Х. Л. Борхеса – (два из них составляют неявный диптих) – и два текста Ф. Дюрренматта.

А это означает, что в интеллектуальной прозе XX века литературный феномен гуманизации мифа существует весьма устойчиво, представляя собой своеобразную константу, чем подтверждается гипотеза, согласно которой наличие данного феномена в ИП XX века есть не исключение, а тенденция.

Другая гипотеза – об инвариантности ГМ к вариациям соотношенности ИП и базовой мифологемы – тоже обрела в ходе исследования разностороннее подтверждение. Компаративистский анализ подтвердил, что ГМ может формироваться в литературном тексте при любых вариациях соотношенностей его хронотопа, композиции, трактовки с таковыми, присущими базовой мифологеме текста; кроме того, ГМ инвариантна и к различным вариациям интерференции своих базовых мифологем.

Так, литературный феномен ГМ наблюдается: а) при хронотопе ИП, идентичном хронотопу ее явной БМ (тетралогия Т. Манна «Иосиф и его братья»; БМ здесь – библейская мифологема об Иосифе Прекрасном); б) при хронотопе ИП,

отличном от хронотопа ее явной БМ (повесть Ф. Дюрренматта «Грек ищет гречанку»; явные БМ – на них напрямую, вербально указывает нарратор – представлены древнегреческими преданиями об Аресе и Афродите, о Дафнисе и Хлое); с) при хронотопе ИП, отличном от хронотопа ее неявной БМ (новелла «Тихая Лена» Г. Стайн базируется на такой БМ, как древнегреческие предания о Деметре-Персефоне; нарратор не упоминает имен этих богинь, но формирует сюжет соответственно структуре указанной БМ).

Инвариантность ГМ сохраняется также: а) при линейном соответствии композиций ИП и БМ (роман А. Камю «Посторонний»; рассказ Р. Акутагава «Барышня Рокуномия»); б) при линейном, однако усложненном – ИП есть неявный диптих – соответствии композиций ИП и БМ (новеллы Х. Л. Борхеса «Тайное чудо» и «“Deutsches Requiem”»); с) при нелинейном соответствии композиций ИП и БМ (смеховая новелла Ф. Кафки «Правда о Санчо Пансе»; смеховой роман Ю. Алешковского «Кенгуру»).

Вышесказанное, в частности, иллюстрирует формирование гуманизации мифа в такой специфической разновидности ИП, как неявный диптих, охватывая случаи, когда составляющие его тексты принадлежат к одному литературному жанру (новеллы Х. Л. Борхеса) и к разным литературным жанрам (тетралогия Т. Манна и его эссе о ней). А выявление ГМ в романе «Посторонний» А. Камю позволяет идентифицировать формирование этого феномена при разработке экзистенциальной проблематики литературным текстом. Нами также проиллюстрирована (на примере новеллы «Тихая Лена» Г. Стайн) транспонируемость ГМ при переводе литературного произведения, которая, видимо, наследует соответствующей транспонируемости мифа, отмеченной К. Леви-Строссом.

Инвариантность ГМ к вариациям соотношенностей композиции текста и БМ рассматривалась на примерах текстов, где эта БМ – миф об отмене *нетотема*-смерти; тем самым одновременно демонстрировалось формирование феномена посредством указанной динамической константы ГМ.

Литературный феномен ГМ инвариантен и относительно самых прихотливых вариаций трактовки БМ текста, поскольку может присутствовать: а) при традиционной трактовке интеллектуальной прозой своей явной БМ (роман Г. Гессе «Степной волк»); б) при особой трактовке литературным текстом его неявной БМ, а именно при такой ее новаторской трактовке, которая восходит к трактовке давно забытой (смеховая новелла Ф. Кафки «Правда о Санчо Пансе» и ряд эпизодов тетралогии Т. Манна «Иосиф и его братья», где БМ есть мифологема об Иове); с) при новаторской трактовке явной БМ текста, которая сама восходит к утраченной мифологеме, причем анализ ИП побуждает к выявлению и частичному восстановлению структуры этой утраченной БМ (смеховая новелла К. Чапека «Исповедь дон Хуана»).

Поскольку инвариантность ГМ к вариациям трактовок БМ рассматривалась на примерах текстов, где одна из БМ – миф о смехе, то одновременно демонстрировалось формирование гуманизации мифа посредством и этой динамической константы ГМ.

Инвариантность же исследуемого феномена относительно различных вариаций интерференции БМ подтверждается тем, что ГМ сохранялась в рассматриваемой ИП в следующих особых (предельных) случаях, когда: а) одна из интерферирующих базовых мифологем ИП сама формирует гуманизацию мифа (смеховая новелла Р. Вальзера «Ибсеновская Нора, или Жареная картошка»; БМ представлена мифологемой о катабазисе); б) одна из интерферирующих базовых мифологем ИП активно противостоит гуманизации мифа (новелла Г. К. Честертон «Злой рок семьи Дарнуэй», базирующаяся на мифологеме о злом роке; смеховое фэнтези Т. Пратчетта «Вор времени», где БМ есть мифологема об Апокалипсисе); с) налицо автоинтерференция одной из БМ: интерферируют самая древняя и более поздняя ее модификации (повесть Д. Хармса «Старуха»; здесь БМ – мифологема о Великой Матери, а интерферируют две ее модификации: о благой Великой Матери и о злой Великой Матери; последняя, более поздняя, порождена этапом жертвоприношений).

Поскольку Г. К. Честертон в указанном тексте очень явно, напрямую противопоставляет мифологеме о злом роке интерферирующую с ней дихотомию *тотем/не-тотем*, то новелла может служить наглядным примером произведения, где ГМ формируется посредством этой ее динамической константы.

Вышесказанное дает основания считать подтвержденной гипотезу о том, что ГМ может быть сформирована в ИП посредством любой из своих динамических констант, а также идентифицировать существование литературного феномена ГМ в случаях явной/неявной базовой мифологемы.

При решении основных задач данного исследования впервые оказалась сформирована и особая классификация базовых мифологем ИП, исследуемой на наличие ГМ: их подразделение на четыре группы и на два вида. Подразделение БМ на четыре группы осуществляется по признаку их соотнесенности с ГМ, а именно: те БМ, что сами формируют ГМ; те БМ, что противостоят ГМ; те БМ, что нейтральны по отношению к ГМ; те БМ, что неоднозначно соотносятся с ГМ. Подразделение БМ на два вида осуществлено по признаку их явного или неявного наличия в ИП. Явные БМ – это мифологемы, на которые в тексте есть прямые аллюзии (имена собственные мифологических персонажей и/или пересказ мифа, явно и осознанно предпринимаемый автором, etc.). Неявные базовые мифологемы – это БМ, не удовлетворяющие данному признаку.

Впервые обнаружен и особый подвид неявных БМ (при анализе древнейшей мифологической базы, формирующей ГМ в смеховой новелле К. Чапека «Исповедь дон Хуана»). Его можно для краткости обозначить как «подвид “утраченные мифологемы”». Древняя мифологема принадлежит к этому подвиду, если она, утраченная человечеством, хоть частично воссоздана каким-либо литературным текстом в качестве его БМ и потому может оказаться обнаруженной при его анализе с учетом различных закономерностей эволюции древнейшего мифологического сознания в аспекте ГМ. Соответственно впервые выявлена и эмпирически подтверждена принципиальная возможность, анализируя ИП в аспекте ГМ, восстановить структуру утраченной мифологемы, которая в качестве БМ частично воссоздана этим произведением ИП. Такая возможность предсказуема с учетом «центрального тезиса» Нортропа Фрая.

Осмысление «центрального тезиса» Н. Фрая применительно к литературному феномену гуманизации мифа привело нас и к выявлению в ИП XX века особого типа БМ. К нему принадлежит каждая из тех модификаций древних мифологем, которая характеризуется тремя следующими признаками: 1) Потенциал ее возникновения обусловлен любой из базовых закономерностей мифологического сознания (его склонностью к воплощению бинарных оппозиций, к воплощению нового содержания развивающихся концептов etc.). 2) По какой-либо причине этот потенциал не был реализован фольклорным сознанием. 3) Данная модификация оказалась сформирована – явно или неявно, осознанно или неосознанно – мифологическим сознанием автора или ряда авторов ИП XX века в качестве базовой мифологемы этой ИП.

К числу БМ указанного типа – мы называем их «базовыми мифологемами, потенциал которых реализован в рамках ИП», – принадлежат: а) мифологема об «искушении добром» (модификация мифа об отмене *не-тотема*-смерти, где «искушаемой» стороной является протагонист, посвятивший себя служению злу-*не-тотему*, а «искушающей» – добро-*тотем*; выявлена в смеховых нарративах Ф. Дюрренматта, Ф. Кафки, Ю. Алешковского); б) мифологема об апокатастасисе, или конечном всеобщем спасении, в модификациях, где концепт «все» планетарен («все» – это, во-первых, нефантастические существа Земли; БМ выявлена в романах М. Себастьяна и В. Набокова; а во-вторых, фантастические, даже демонские существа; БМ выявлена в ИП Ф. Кафки, Х. Л. Борхеса, Ф. Дюрренматта, А. Битова).

Это позволяет нам заключить, что подтверждена и гипотеза об эффективности применения «центрального тезиса» Н. Фрая к литературному феномену ГМ в ИП в ходе ее компаративистского анализа.

Осмысление вышесказанного приводит и к выводу, что компоненты концепции гуманизации мифа являются эффективным инструментом литературоведческого анализа.

Результатом данной работы как опыта системного исследования литературного феномена ГМ являются и открываемые ею возможности полидисциплинарного характера. Так, рассматриваемый феномен можно считать обусловленным тремя специфическими закономерностями мифологического сознания, или особыми его тенденциями: тенденцией к этизирующей гармонизации Универсума (картины мира); тенденцией осуществлять этот акт посредством трех базовых мифологических структур (дихотомии *тотем/не-тотем*, мифа о смехе, мифа об отмене *не-тотема-смерти*); тенденцией ощущать этот акт как залог или осуществление гармонизирующего преобразования реального Универсума (основа катарсиса). Эти тенденции и сам феномен гуманизации мифа можно анализировать в рамках научных дисциплин, разноаспектно учитывающих закономерности мифологического сознания, а данное диссертационное исследование может быть использовано в качестве мультидисциплинарной модели для соответствующих научных разработок (в частности, для феноменологического осмысления катарсиса, особенно смехового). В числе указанных дисциплин упомянем такие, как теория литературы, сравнительное литературоведение, нарратология, компаративная мифология, философия культуры, фольклористика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, прагматика, этнолингвофольклористика, культурная антропология, психология, теория коммуникации.

Особый интерес, с нашей точки зрения, здесь представляют новые возможности изучения различных концептов. Соответствующие интерпретационные модели представлены в настоящей работе исследованием таких концептов, коррелирующих с воплощением ГМ, как «смеховая идиллия» (нами проанализирована его гармонизирующая разработка в повести Ф. Дюрренматта); «смех бессмертных» (выявлен нами в романе Г. Гессе как концепт, который включает в себя особую теологию смеха и соответственно прагматику спасения человека и преобразования Универсума); кафкианские дополнения концептов «Дон Кихот – Санчо Панса» и «Иов», которые представляют – вкуче с текстами И. В. Гете («Фауст») и Т. Манна («Иосиф и его братья») – особую выявленную нами традицию европейской литературы осуществлять гармонизирующее развитие концепта «Иов». Исследуя ГМ в новелле К. Чапека, мы также выявили глубинную мифологическую основу концепта «Дон Жуан», соответствующий ей экзистенциальный потенциал и его имплицитное парадоксальное воплощение в указанной ИП. Кроме того, нами идентифицированы этизирующее трикстерское преобразование концепта «ибсеновская Нора» в новелле Р. Вальзера, гуманизирую-

щее переосмысление концепта «апокалипсис» в романе Т. Пратчетта, которое корреспондирует с интерпретациями апокалиптической семантики Н. Бердяевым; выявлены и проанализированы воплощения концепта «апокатастазис» в текстах М. Себастьяна, В. Набокова, Х. Л. Борхеса, Ф. Дюррематта, Ф. Кафки, А. Битова.

Отметим также, что осуществленный данной работой вклад в формирование концепта «гуманизация мифа» может содействовать осмыслению концепта «новый гуманизм в XXI веке», которое представляет собой одну из составляющих задачи, поставленной ЮНЕСКО в 2010 году перед мировым сообществом.

Рекомендации:

1. Компоненты концепции гуманизации мифа – в частности ее динамические константы – могут быть использованы как инструментарий для разнообразных компаративистских исследований, связанных с историко-литературными и теоретико-литературными проблемами.

2. Результаты, полученные в данной работе, открывают и широкие перспективы адаптации используемого инструментария для исследований, связанных с фольклористикой. Осмысление результатов таких исследований может, в свою очередь, явиться материалом для обобщений культурологического характера.

3. Полученные результаты могут быть использованы для создания методик компаративистского исследования текстов в аспектах гуманизации мифа, предназначенных для включения в программы учебных заведений.

4. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при чтении лекционных курсов по мировой литературе XX века, по теории литературы, при разработке спецкурсов и учебных пособий для гуманитарных факультетов.

5. Результаты исследования можно разноаспектно использовать как интерпретационную модель в рамках таких научных дисциплин, как теория литературы, сравнительное литературоведение, нарратология, компаративная мифология, философия культуры, фольклористика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, прагматика, этнолингвофольклористика, культурная антропология, психология, теория коммуникации.

6. Вклад в формирование концепта «гуманизация мифа», осуществленный в настоящей работе, может послужить для эффективного осмысления концепта «новый гуманизм в XXI веке», что является одной из составляющих задачи, поставленной ЮНЕСКО перед мировым сообществом в 2010 году.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Abrams M. H. A Glossary of Literary Terms. Boston: Heinle and Heinle, 1999. 366 p.
2. Albouy P. Mythes et mythologies dans la littérature française. Paris: Armand Colin, 1998. 175 p.
3. Barthes R. Writing Degree Zero. London: Jonathan Cape, 1967. 111p.
4. Boulby M. The Steppenwolf. In: Hesse Companion. Albuquerque: UNM Press, 1977, p. 101-157.
5. Chalquist C. A Glossary of Jungian Terms. <http://www.terrapsych.com/jungdefs.html> (vizitat 17.07.2016).
6. Chances E. B. Andrei Bitov: The Ecology of Inspiration. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 206 p.
7. Ciocoi T. Umberto Eco și romanul postmodernist. Chișinău: CE USM, 2001. 158 p.
8. Eliade M. Eseuri. Mitul eternei reîntoarceri. Mituri, vise și mistere. București: Editura științifică, 1991. 310 p.
9. Eliade M. The Sacred and the Profane: The Nature of Religion. New York: Harcourt, Brace and Co., 1959. 256 p.
10. Ferrando F. Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism, and New Materialisms: Differences and Relations. In: *Existenz*, 2013, vol. 8/2, p. 26-32.
11. Frye N. Words with Power: Being a Second Study of 'The Bible and Literature'. University of Toronto Press, 2008. 448 p.
12. Gavrilov A. Proza rurală, sămănătorismul și problema sincronizării. În: *Metaliteratură*, 2003, vol. 7, p. 29-33.
13. Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York: Basic Books, 1973. 470 p.
14. Grati A. Fenomenul literar postmodernist. Chișinău: UPS „Ion Creangă”, 2013. 196 p.
15. Grimal P. Dicționar de mitologie greacă și romană. București: Editura Saeculum I.O., 2001. 392p.
16. Jaspers K. The Origin and Goal of History, London, New Haven: Yale Univ. Press, 1965. 314 p.
17. Jung C. G. Man and His Symbols. New York, London, Toronto, Sydney, Auckland: Anchor Press, Doubleday, 1988. 320 p.
18. Jung C. G. Nietzsche's Zarathustra: Notes of the Seminar Given in 1934-1939 by C.G. Jung. Volume 2. London & New York: Routledge, 2014. 1616 p.
19. Jung C. G. Psychological Types. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1971. 608 p.
20. Pavlicencu S. Funcționalitatea textului tradus: Șotron de Julio Cortazar. În: *Limba Română*, 2005, Nr. 5-9, p. 60-65.
21. Sadoveanu M. Creanga de aur. București: Editura Minerva, 1981. 371 p.
22. Sauvage P. L'Étranger. Albert Camus. Analyse. Repères. Critiques. Paris: Nathan, 2004. 112 p.
23. Schweitzer A. The Spiritual Life: Selected Writings of Albert Schweitzer. Hopewell, NJ: The Ecco Press, 1947. 355 p.
24. Silvestri A. Pentagramma. București: Editura Kogaion Editions, 2005. 80 p.
25. Speirs R. The German novel during the Third Reich. In: *The Cambridge Companion to the Modern German Novel*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004, p. 152-166.
26. White J. J. Die Schlafwandler 1931-1932. Novel by Hermann Broch. In: *Encyclopedia of German Literature*. Routledge, 2015, p. 155-156.
27. Бартминьский Е. Место ценностей в языковой картине мира. В: *Эволюция ценностей в языках и культурах*. Москва: Пробел-2000, 2011, с. 51-80.
28. Бахтин М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
29. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ре-нессанса. Москва: Художественная литература, 1990. 544 с.
30. Бердяев Н. О назначении человека. Москва: Республика, 1993. 384 с.
31. Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Москва: Искусство, 1994.
32. Бокова И. Новый гуманизм в XXI веке: Выступление Генерального директора ЮНЕСКО Ирины Боковой в Милане 7 сентября 2010 года (краткая адаптация). <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001897/189775r.pdf> (vizitat 17.07.2016).

33. Вюнанбурже Ж.-Ж. Принципы мифопоэтического воображения. http://www.bim-bad.ru/biblioteca/article_full.php?aid=884&binn_rubrik_pl_articles=121 (vizitat 17.07.2016).
34. Леви-Стросс К. Структурная антропология. Москва: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
35. Лосев А. Ф. Гомер. Москва: ГУПИ, 1960. 352 с.
36. Лотман Ю. М., Минц З. Г. Литература и мифология. В: Ученые записки Тартуского университета, вып. 546. Труды по знаковым системам – 13. Тарту, 1981, с. 35-55.
37. Манн Т. Собр. соч.: В 10 т. Москва: ГИХЛ, 1959-1961.
38. Ортега-и-Гассет Х. Увертюра к Дон Жуану. В: Ортега-и-Гассет, Хосе. Камень и небо. Москва: Грант, 2000, с. 39-48.
39. Сонтаг С. Голос Вальзера. В: Иностранная литература, 2007, № 7, с. 301-303.
40. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. Москва: Наука, 1978. 605 с.
41. Хьюбнер К. Прогресс от мифа, через логос, к науке? Вопрос теории науки. 1996. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/nau_anti/03.php (vizitat 17.07.2016).

Выборочный список опубликованных научных работ по теме диссертации

42. Cuşnir J. Apokatastasis as an Ancient Mythologem, Which Has its Potential Embodied in *The Luzhin Defence* by V. Nabokov. In: International conference on mythology and folklore. Third edition. Bucharest: University of Bucharest, 2016, p. 40-41.
43. Cuşnir J. Concept of humanization of myth as an innovative approach to the problem “myth and literary and / or folklore text”: aspect of original connection of myth with communication. In: Central and Eastern European LUMEN Conference: New Approaches in Social and Humanistic Sciences: Working Papers Volumes of LUMEN NASHS 2015 International Conference. London, Lumen Media Publishing, UK, 2015, p. 104-105.
44. Cuşnir J. Folklore motif of marriage test and the image of the world in the Yiddish song Tumbalalake: aspects of humanization of myth. In: Revista de etnologie și culturologie, 2013, vol. XIII-XIV, p. 149-153.
45. Cuşnir J. *The Doom of the Darnaways* by G. K. Chesterton: Creativity in the Use of the Basic Mythologems' Interference. In: „Identită europeană e alterită națională. La II Conferența anuală științifică internațională del Facoltà di Lettere dell'Università Spiru Haret”. Conference proceedings selected papers. Milano: Rediviva Edizioni, 2017, p. 251-262.
46. Cuşnir J. The Idea of Sacrifice as a Metonymic Lapse of Late Mythological Consciousness. In: Myth, Symbol, and Ritual: Elucidatory Paths to the Fantastic Unreality. Bucureşti: Editura Universităţii din Bucureşti, 2017, p. 131-141.
47. Cuşnir J. The Stranger by A. Camus in Aspects of Humanization of Myth. In: La Francopolyphonie, 2013, nr. 8, vol. 2, p. 111-120.
48. Cuşnir J. The Truth about Sancho Panza by F. Kafka in the Aspects of Humanization of Myth: Participation of F. Kafka in the Trickster Tradition of J. W. Goethe and Th. Mann. In: International Journal of Communication Research, 2015, vol. 5, issue 3, p. 199-208.
49. Кушнир Ж. Аспекты гуманизации мифа в компаративистском исследовании интеллектуальной прозы: теоретические предпосылки. In: Le comparatisme linguistique et littéraire – parcours et perspectives. In honorem Ion Manoli. Chişinău: ULIM, 2012, p. 207-225.
50. Кушнир Ж. Аспекты мифологической аналитики: эволюция концепта «гуманизация мифа». In: Enciclopedica. Revista de istorie a ştiinţei și studii enciclopedice, 2016, nr. 1(10), p. 85-93.
51. Кушнир Ж. Барышня Рокуномия в новелле Р. Акутагава: образ персонажа в аспектах гуманизации мифа. In: La liberté de la création au féminin. In honorem Ana Guţu. Chişinău: ULIM, 2012, p. 474-486.
52. Кушнир Ж. Билингвальная коммуникация как встреча двух миров в прозе С. Довлатова: аспекты гуманизации мифа. В: Intertext, 2013, Nr.3/4, p. 101-111.

53. Кушнир Ж. Гуманизация мифа в «еврейском» романе и в докладе Т. Манна: ее взаимосвязь с трикстером Ich-Form. В: Сборник научных трудов Института иудаики, вып. 2. Кишинев: Ин-т иудаики, 2011, с. 86-102.
54. Кушнир Ж. Гуманизация мифа в интеллектуальной прозе национальных меньшинств Молдовы. В: Этнические меньшинства Молдовы. Республиканская научная конференция. Кишинев: INFM “Egalitate“, 2012, с. 49-59.
55. Кушнир Ж. Гуманизация мифа в литературном путешествии-катабазисе О. Панфила. In: „Literatura migrației: deschideri și bariere“. Conferința șt. intern. Chișinău: CEP USM, 2018, p.151-162.
56. Кушнир Ж. Гуманизация мифа в прозе авторов-евреев: роман «Кенгуру» Ю. Алешковско-го. В: Актуальные проблемы истории, этнологии, филологии и права евреев. Международная научная конференция. Кишинев, 2013, с. 70-79.
57. Кушнир Ж. Гуманизация мифа в рассказе «Полеты тигра» Олега Краснова. В: Славянские чтения: научно-теоретический журнал, 2013, вып. 7, с. 290-300.
58. Кушнир Ж. Гуманизация мифа в «Тихой Лене» Гертруды Стайн: аспекты, сохраняющиеся при англо-русском переводе. В: Intertext, 2013, nr.1/2, p. 245-254.
59. Кушнир Ж. Комедия как идиллия: гармонизация Универсума в повести «Грек ищет гречанку» Ф. Дюрренматта. In: From traditional to synergetic linguistics. In honorem Valentin Cijacovschi. Chișinău: ULIM, 2014, p. 210-222.
60. Кушнир Ж. Концепция гуманизации мифа в приложении к анализу литературного текста: «Правда о Санчо Пансе» Ф. Кафки. В: Сборник научных трудов Института иудаики, вып. 3. Кишинев: Ин-т иудаики, 2013, с. 55-71.
61. Кушнир Ж. Концепция гуманизации мифа как теоретическая предпосылка выявления этого литературного феномена. In: Annals of Spiru Haret University, Philology, Foreign Languages and Literatures – Series, 2014, issue 19, p. 167-177.
62. Кушнир Ж. Назидательная история Д. Хармса о Чудотворце и Великой Матери: аспект гуманизации мифа. In: Annals of Spiru Haret University, Philology, Foreign Languages and Literatures – Series, 2017, issue 22, p. 159-166.
63. Кушнир Ж. Переосмысление апокалиптической семантики в смеховом фэнтези Т. Пратчетта как интеркультуральная тенденция: аспекты гуманизации мифа. In: Annals of Spiru Haret University, Philology, Foreign Languages and Literatures – Series, 2014, issue 19, p. 179-190.
64. Кушнир Ж. Проблема акеды в новелле И. Шрайбмана «Приношение в жертву Ицхака»: аспекты гуманизации мифа. In: Revista de etnologie și culturologie, 2014, vol. XV, p. 18-22.
65. Кушнир Ж. Роман «Accidentul» Михаила Себастьяна: аспект «центрального тезиса» Нор-тропа Фрая. În: Studia Universitatis Moldaviae – Seria Științe umane, 2016, nr. 4, p. 187-192.
66. Кушнир Ж. «Смех бессмертных», или неявный прагматический аспект «Степного волка» Г. Гессе. В: Intertext, 2014, nr.3/4, p. 110-119.
67. Кушнир Ж. Тайный диптих Х. Л. Борхеса в аспектах гуманизации мифа. In: “Itinerarios hispánicos. Una aproximación interdisciplinar al liberalismo español con motivo del bicentenario de la constitución de Cádiz”. Colocviul intern. Chișinău: ULIM, 2012, p. 251-261.
68. Кушнир Ж. Трикстерски-смеховая гармонизация концепта «ибсеновская Нора» в реинтер-претации Роберта Вальзера. In: Intertext, 2015, nr.3/4, p. 231-241.
69. Кушнир Ж. Феномен гуманизации мифа в интеллектуальной прозе XX века. Chișinău: Pontos, 2017. 352 p.

ADNOTARE

Cușnir Jozefina. *Umanizarea mitului în proza intelectuală a secolului al XX-lea: relevarea unui fenomen literar*. Teză de doctor habilitat în filologie la specialitatea 622.02 – Literatura universală și comparată, Chișinău, 2019.

Structura lucrării: introducere, șase capitole, concluzii generale și recomandări, 5 anexe, bibliografie din 467 de titluri, 259 pagini de text de bază.

Rezultatele cercetărilor au fost reflectate în 38 de publicații științifice.

Cuvinte-cheie: umanizarea mitului, proza intelectuală, mitologema de bază, interferența mitologemelor de bază, cronotop, dihotomia *totem/non-totem*, mitul despre răs, mitul despre abolirea *non-totemului*-morții, catharsisul răsului, metonimia.

Domeniul de studiu: proza intelectuală a secolului al XX-lea.

Scopul lucrării constă în a releva existența umanizării mitului ca fenomen literar integral și uniform identificabil în proza intelectuală a secolului al XX-lea, dezvoltând descoperirea lui Th. Mann, în baza studiului comparativ sistemic al unui număr de lucrări reprezentative.

Obiectivele lucrării: demonstrarea formării fenomenului prin constante dinamice specifice; identificarea caracterului său invariant *versus* variațiile corelațiilor cronotopului, ale compoziției și ale abordării prozei intelectuale în raport cu cele inerente în mitologemele de bază ale textului și *versus* variațiile interferenței acestora.

Noutatea și originalitatea științifică a lucrării: pentru prima dată umanizarea mitului a devenit obiectul unei cercetări științifice sistemice; au fost demonstrate constituirea fenomenului cercetat prin intermediul constantelor specifice și caracterul său invariant *versus* o serie de factori; „teza centrală” a lui Northrop Frye potrivit căreia literatura re-crează mitologia a fost dezvoltată cu referire la umanizarea mitului.

Rezultatele principial noi pentru știință. Relevarea sistemică a fenomenului ca armonizare eticizantă a Universului, realizată prin intermediul structurilor mitologice. Generarea unui model de interpretare corespunzător. Identificarea unui tip și a unei sub-specii particulare de mitologeme de bază în proza intelectuală.

Semnificația teoretică a lucrării. Au fost elaborate definiția științifică și modul de identificare uniformă a fenomenului investigat, precum și clasificarea mitologemelor de bază în proza intelectuală.

Valoarea aplicativă a lucrării. Teza propune un model multidisciplinar care poate fi utilizat în cercetări, metodologii, prelegeri la diverse discipline umaniste (teoria literaturii, literatură comparată, filosofia culturii, antropologia culturală, folcloristică etc.) și la dezvoltarea conceptului „noul umanism în secolul al XXI-lea” (UNESCO).

Implementarea rezultatelor științifice sunt reflectate în publicații și în comunicări științifice, în lucrările de plan ale autoarei (IPC), în cursul special despre umanizarea mitului.

АННОТАЦИЯ

Кушнир Жозефина. *Гуманизация мифа в интеллектуальной прозе XX века: выявление литературного феномена*. Диссертация на соискание ученой степени доктора хабилитат филологических наук, специальность 622.02 – Всемирная литература и сравнительное литературоведение, Кишинэу, 2019.

Структура работы: введение, шесть глав, общие выводы и рекомендации, 5 приложений, библиография из 467 наименований, 259 страниц основного текста.

Результаты исследования отражены в 38 научных публикациях.

Ключевые слова: гуманизация мифа, интеллектуальная проза, базовая мифологема, интерференция базовых мифологем, хронотоп, дихотомия *тотем/не-тотем*, миф о смехе, миф об отмене *не-тотема*-смерти, смеховой катарсис, методология.

Область исследования: интеллектуальная проза XX века.

Цель работы – выявить существование гуманизации мифа как целостного и единообразно идентифицируемого литературного феномена в интеллектуальной прозе XX века, развить открытие Т. Манна, на основе системного компаративистского исследования ряда репрезентативных произведений. **Задачи работы:** продемонстрировать формирование феномена посредством специфических динамических констант; идентифицировать его инвариантность к вариациям соотношений хронотопа, композиции, трактовки интеллектуальной прозы с таковыми, присущими ее базовым мифологемам, и к вариациям их интерференции.

Научная новизна и оригинальность работы: впервые гуманизация мифа стала предметом системного научного исследования; продемонстрированы формирование исследуемого феномена посредством специфических констант и его инвариантность к вариациям ряда факторов; «центральный тезис» Н. Фрая о преобразении мифологии литературой развит применительно к гуманизации мифа.

Принципиально новые научные результаты. Системное выявление феномена как этизирующей гармонизации Универсума посредством мифологических структур. Формирование соответствующей интерпретационной модели. Идентификация особых типа и подвида базовых мифологем в интеллектуальной прозе.

Теоретическое значение. Разработаны научная дефиниция и способ единообразной идентификации исследуемого феномена, а также классификация базовых мифологем в интеллектуальной прозе.

Прикладное значение. Работа может использоваться как мультидисциплинарная модель в исследованиях, методиках, лекционных курсах (по теории литературы, сравнительному литературоведению, философии культуры, культурной антропологии, фольклористике и т.д.) и для разработки концепта «новый гуманизм в XXI веке» (ЮНЕСКО).

Внедрение научных результатов отражено в научных публикациях и докладах, в плановых работах автора (ИКН), в спецкурсе о гуманизации мифа.

ANNOTATION

Cuşnir Jozefina. *Humanization of Myth in the Intellectual Prose of the 20th century: the Revealing of the Literary Phenomenon*. Doctor habilitat in Philology Thesis, specialty 622.02 – Universal and Comparative Literature, Chişinău, 2019.

Structure of the thesis: introduction, six chapters, general conclusions and recommendations, 5 annexes, bibliography including 467 titles, 259 pages of the basic text.

The results obtained are reflected in 38 scientific publications.

Key words: humanization of myth, intellectual prose, basic mythologem, basic mythologems' interference, chronotop, *totem/non-totem* dichotomy, myth of laughter, myth of the abolition of *non-totem*-death, laughter catharsis, metonymy.

Area of research: intellectual prose of the 20th century.

The goal of the research is revealing the existence of humanization of myth as a holistic and uniformly identifiable literary phenomenon in the intellectual prose of the 20th century, developing Th. Mann's discovery by means of a system comparative research based on a number of representative literary works. **Objectives of the research:** demonstrating the formation of the phenomenon by means of specific dynamic constants; identifying its invariance to variations of correlation of chronotop, composition, interpretation of intellectual prose with those of its basic mythologems, and variations of their interference.

Scientific novelty and originality of the thesis: for the first time, humanization of myth becomes the subject of a systemic scientific research; the formation of the investigated phenomenon via specific constants and its invariance to the variation of a number of factors are demonstrated; the "central thesis" by N. Frye that literature re-creates mythology is developed with reference to humanization of myth.

Fundamentally new scientific results. Systemically revealing the phenomenon as ethicizing harmonization of the Universe by means of mythological structures. Forming a corresponding interpretation model. Identification of a special type and a special sub-specie of intellectual prose's basic mythologems.

Theoretical significance. The scientific definition, the method of uniform identification of the investigated phenomenon, and the classification of intellectual prose's basic mythologems are developed.

Application value of the thesis. The thesis can be used as a multidisciplinary model for researches, methodologies, lectures (on literary theory, comparative literary studies, philosophy of culture, cultural anthropology, folklore studies, etc.) and for developing the concept of the "new humanism for the 21st century" (UNESCO).

Implementation of scientific results is reflected in scientific publications and communications, the author's scheduled work (IPC), and a special course on humanization of myth.

КУШНИР ЖОЗЕФИНА

**ГУМАНИЗАЦИЯ МИФА
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА:
ВЫЯВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ФЕНОМЕНА**

622.02 – LITERATURA UNIVERSALĂ ȘI COMPARATĂ

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора хабилитат филологии

Aprobat spre tipar: 17.01.2019.

Formatul hârtiei 60x84 1/16.

Hârtie offset. Tipar digital.

Tiraj: 50 ex.

Coli de tipar.: 3,0.

Comanda nr.
